

ДМИТРИЙ БИЛИК

ГОРОД

Я ЧУХОЖУ

Город

Дмитрий Билик

Я ухожу

«автор»

2023

Билик Д. А.

Я ухожу / Д. А. Билик — «автор», 2023 — (Город)

Я высшее создание, вкусившее кровь самого Несущего Свет. Бессменный Наместник Города уже на протяжении полутора тысяч лет. Так было и будет всегда. Осталось лишь раздавить одну надоедливую муху по имени Шипастый, который возомнил себя равным мне и хочет стать новым Наместником. И за этим дело не станет. Четверта книга из цикла «Город».

© Билик Д. А., 2023

© автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Александрович Билик

Я ухожу

*Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв.
Откровение Иоанна Богослова, глава 3, стих 1*

Глава 1

– В смысле, Люцифер? – внезапно оживилась Громуша. – Это который...

– Падший ангел, царь ада, – негромко проговорил я, глядя на явившееся создание. – И Несущий Свет, как выяснилось.

– Я не к тому. Получается, мы вроде как немного мертвы?

– Ага, самую малость, – ответил я, обратившись к своим воспоминаниям.

Если это не очередная фантазия, которую мне кто-то вложил в голову, то все было достаточно однозначно. И появилось понимание, почему мы все здесь вместе.

– ...Но давайте об этом попозже, – закончил я.

Казалось небольшим кощунством разговаривать на такие несерьезные темы, как жизнь нескольких людей, когда рядом с тобой стояла фигура подобной величины.

А еще мне было интересно, что скажет или сделает Несущий Свет. Почему-то Люцифером его называть не хотелось. Видимо, рождались все многочисленные отсылки к этому имени. Ну, и желания лишний раз вспоминать о том, в каком качестве я здесь находился, тоже не оказалось.

Несущий Свет неторопливо рассматривал застывшее черное воинство. Те стали будто игрушечными, подвешенными на невидимых веревочках. Он всматривался в каждую тварь, словно пытался разглядеть, кем раньше было это существо. И наконец повернулся к Голосу.

– Берит, тебя даже нижний уровень не исправит. Зачем ты осквернил этих несчастных? Их души остались без изменений, но вот разум и внешний облик...

– Владыка, – затрепетал Голос. – Но это не было запрещено правилами.

– Но ты пытался убить претендента, – Несущий Свет шагнул к нему. – Опять же, ты не рассказал о правилах остальным. Как бы они поняли, что нужно делать? А после, когда осознал, что дело пахнет раскаленной сковородой, скрыл магией оставшиеся артефакты. Ты вечно играешь краплеными картами, Берит. И, признаться, если твоя хитрость раньше забавляла, то теперь попытки удержаться здесь всеми силами стали раздражать.

Свет близ Голоса стал таким ярким, что казалось, он обжигает несчастного демона. В том, что последний – демон, у меня не осталось никаких сомнений. Ну, или крупный бес. Подобные частности уже не имели особого значения.

Я понимал довольно четко, что если сейчас Несущий Свет захочет, то это недоразумение, которое мы принимали за полубога, просто перестанет существовать. Впервые в своей жизни (хотя именно теперь уместнее было бы говорить и «жизни», и «послежизни») я встречал настолько могущественное создание.

– И что еще за чудовищный нейминг? «Голос». Ты пытаешься приблизиться к Отцу? Но для этого мало назваться одним из его имен, – продолжал пытать своего наместника Несущий Свет.

– Я не подумал, Владыка... – совсем потерялся демон.

– Это не удивительно. Хитрость и ум не всегда идут рука об руку. Сбросить бы тебя на самый низший уровень...

– Владыка! – чуть ли не закричал Голос.

– Но время выбрано неудачное. Скоро уже конец Эпохи. А у нас там и так завал. Опять очередная война. Хоть что-то неизменно у людей. К тому же мне и самому интересно посмотреть, что же получится у тебя из всего этого, – Несущий Свет обвел руками застывшее черное воинство. – Сам понимаешь, «и многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление». Помнишь, откуда?

– Библия? – залепетал Голос.

– «Библия», – передразнил его Владыка. – Матчасть бы хоть учил. Ладно, давай сделаем вид, что всего этого не было. Как говорят у смертных в армии, – Несущий Свет неожиданно посмотрел на меня, и от его взгляда захотелось спрятаться, – до первого залета.

– Владыка... – Голос хотел было что-то сказать в свое оправдание.

Несущий Свет попросту вскинул руку, и демон замолчал. Может, догадался, что сейчас лучше не произносить ни слова, а может, создатель этого мира действительно отнял у него возможность говорить. Любой вариант из перечисленных мог подойти.

Я не видел его лица, но мне казалось, что Люцифер улыбается, как самое обычное смертное разумное существо, которым никогда не был. Он не щелкал пальцами, не хлопал в ладоши и не касался нас. Просто в какой-то момент свет стал таким ослепительным, что очертания предметов вокруг исчезли. А когда фокус вернулся, я понял, что мы находимся совершенно в другом месте.

Нет, это по-прежнему был Город, только теперь не самая роскошная его часть. Иными словами, явно не центр. Какой-то отшиб, если не сказать больше.

Такое ощущение, что Несущий Свет решил сыграть на контрасте. Сначала показал нам центр с его освещенными улицами, фонарями, сквериками, скамеечками. А потом засунул в полную жопу. У меня вообще большие сомнения, что тут и в лучшие годы все выглядело хоть сколько-нибудь привлекательно.

Мы оказались посреди деревянных скошенных бараков, походивших скорее на временное убежище, чем на постоянное место жительства. Во дворе на небольшой возвышенности располагалась колонка, когда-то очень давно покрашенная синей краской, теперь уже ободранная, со сбитым носиком, но еще явно функционирующая.

От железных перекладин тянулись веревки для сушки белья. В данный момент на них ничего не висело: то ли жители района временно отсутствовали, то ли одежду всю постирали и высушили.

Между двумя домами высилась куча мусора – какие-то цветные обертки, сваленное тряпье, вывороченные рамы, битый кирпич. В общем, все то, что нести до помойки было тяжело и лень. Хотя еще большой вопрос, есть ли здесь помойка.

Детская площадка с вырванной наполовину каруселью и железными качелями без сидений будто специально оказалась присыпана грязью. Пыль была везде, куда ни посмотри. Даже хрустела на зубах и, чудилось, падала с неба, как мелкие снежинки.

А что интереснее всего, этот район находился в низине. Поодаль, в паре километров, виднелся Город. С обычными панельными пятиэтажками, которые на местном фоне выглядели чуть ли не верхом цивилизации. Если честно, район мрачный, если не сказать большего. Тут очень удачно сводить счеты с жизнью, а не жить. Хотя, если учитывать, что мы, как выразилась Громуша, и так немного мертвы, вполне подойдет. Самое главное – вокруг не оказалось обращенных, что в моем личном рейтинге давало местному кварталу уже сразу три звезды. Посмотрим, вдруг тут еще что найдется.

– Мне это место нравится, – сказал Несущий Свет откуда-то из-за спины.

Только теперь я понял, что он до сих пор с нами. Я обернулся и увидел перед собой своего бывшего командира роты – Ефременко Сергея Палыча по прозвищу Гнида. Козла редкостного... Жена у него была красивая и гулящая, Анна. Поговаривали, что ее замуж вроде как насильно выдали. Вот та, зараза, и мстила. И, что самое смешное, чем ниже оказывалось звание офицера, тем сильнее она заводилась. Наверное, в голове уже какие-то необратимые процессы происходили.

С другой стороны, я не психотерапевт. У меня тогда гормоны буйствовали. А тут женщина. Красивая, с третьим размером груди, пухлые губы красной помадой намазаны. В общем, не посрамил честь второго взвода. А уже после, когда узнал, к кому она по жизни прикоман-

дирована, за голову схватился. Да было поздно. Палыч мне такую сладкую жизнь устроил, что вешаться хотелось.

Закончилось все через полгода, когда Анна внезапно застрелилась из табельного оружия Гниды. Дело замаяли, а его самого по-тихому перевели, чтобы глаза не мозолил. Мне же урок на всю жизнь остался: не все можно совать, куда хочется. Даже если места для этого вроде как предназначены, а их владельцы вполне не против. Правда, как выяснилось на примере Алисы, ученик я был хреновенький.

Поэтому сейчас меня и передернуло от отвращения, когда перед глазами предстал Сергей Палыч.

– Извини, Шипастый, не мог удержаться, – он обернулся другим человеком, каким-то пожилым стариком-узбеком в тюбетейке, в широких штанах и стареньком потертом зипуне. – Или мне лучше называть тебя Федор?

– Лучше Шипастый, – ответил я. – Я пока не привык к новому имени.

Странно, но сейчас мне не хотелось прятать свой взгляд. Напротив, появилось неосознанное желание разглядеть каждую морщинку этого старика, словно в его облике мог скрываться какой-то смысл. При этом я вполне понимал, что личина выбрана Несущим Свет случайно. С таким же успехом здесь могла быть женщина или ребенок любой национальности.

И еще я понял: собеседник знает обо мне практически все. Этот фокус с Виктором Палычем был более чем красноречив.

– Итак, Шипастый, я... как бы тебе попроще сказать...

– Падший ангел, Люцифер.

– Падший ангел, – старик закатил раскосые глаза. – Очередная жертва пропаганды. Уж лучше Люцифер, хотя и это не совсем точно.

– Тогда кто?

– Правая рука Отца в этих отдаленных землях. Ты же понял, что это за место?

– Понял, – кивнул я. – Нечто вроде Чистилища.

– Если очень грубо выражаться, – согласился Несущий Свет. – Место, где души ожидают своего часа для перехода в другой мир.

– Почему их не перекидывать сразу? Неужели правдива версия про скуку, которую рассказал мне Толстожоп... один из твоих детей?

– Мне надо в определенной степени поддерживать соответствующую репутацию, – ухмыльнулся узбекский старик, хитро подмигнув мне. – На деле все проще. Когда Отец сотворил загробный мир для своих новых творений, мы и не предполагали, куда приведет его этот, как вы выражаетесь, стартап. И поначалу было все хорошо: они умирали, попадали туда, ко мне. Кто прожил жизнь хреновенько, тот отправлялся на нижний порядок; кто так, как заповедовал Отец, – на верхний.

– Получается, никакого Ада и Рая нет.

– Есть, для верующих, – хохотнул Несущий Свет. – Для всех остальных лишь глобальное нечто, где тоже существуют свои правила. Даже если ты последний распиздяй, но подаешь надежды, тебе будет выдан шанс. «И из пучин нижнего порядка вознесешься ты, – тут старик дал петуха и осекся, поняв, что перегнул с пафосом, – чуть повыше».

– Ага, я встретил тут парочку персонажей, несущих твою кровь.

– И что? Не понравилось?

– Смешанные впечатления. Так что произошло дальше? Почему появилось это место?

– Одно из мест, – поправил меня Несущий Свет. – Поверь, вряд ли бы тебе понравилась космическая база, где остатки десанта отражают атаки иноземных захватчиков. В роли последних, опять же, мои дети. Но если возвращаться к тебе, то получилось следующее. Люди любят брать только то, что им нравится. И из многочисленных заповедей Отца они выбрали «Плодитесь и размножайтесь». Уж как в этом преуспели, ты в курсе. Тут и начали возникать

проблемы. – Несущий Свет пожевал нижнюю губу, отчего его сморщенное лицо еще больше собралось складками. И продолжил: – Инфраструктура загробного мира не была рассчитана на такой поток... переселенцев. И тут стали возникать катаклизмы. Наши мощности оказались не заточены на прямоток. Там протуберанец вырвется, тут мелкие бесы УФМС забастовку объявят, мол, им некогда домой сходить – работа двадцать четыре на семь. Конечно, можно этих мерзавцев... – узбек решительно впечатал кулак в ладонь. – Вот только что потом? Новых набирать, обучать, а это все время. А дела лишь нарастают. Поэтому я и придумал историю с этими временными пунктами.

Несущий Свет развел ладони, демонстрируя творение рук своих. Сказать по правде, вышло так себе, учитывая окружение. Будто пьяный столяр смастерил колченогий табурет, на который и смотреть страшно, а теперь заставляет сына на него встать.

– Отец одобрил. И мы стали пересылать сюда тех, кого в данный момент еще не готовы принять. Как только немного разгребаемся и места освобождаются, пускаем волну. Опять же, и часть местных выпускаем наружу. У нас, знаешь ли, тоже с перенаселением серьезные проблемы. Когда совсем все хорошо становится, заканчиваем Эру. Это значит...

– Я понял, убиваете всех окончательно и перемещаете туда...

– Формально вы и так уже мертвы, – пожал плечами старик. – Без обид. А потом я еще придумал эту фишку с наместниками. Ты бы знал, как отреагировали на верхних порядках. Уже вторую тысячу лет шоу на первых местах. Его, конечно, на какое-то время Тор Геар подвинул. Пришлось даже самолично вмешиваться...

– Ясно, – кивнул я. – И что нам теперь делать?

Узкие глаза узбекского деда расширились от удивления, точно я спросил что-то невиданное.

– Что угодно. Можно просто дождаться конца Эпохи и уже смотреть, куда именно вас распределят в зависимости от деяний там, – он указал большим пальцем себе за спину. – Или попробовать совершить то, к чему ты и стремился – занять кресло наместника, как он себя называет, Голоса. Признаться, у тебя есть для этого все качества. Я буду приглядывать за этим временным убежищем, – старик поглядел вверх, словно пытаюсь разглядеть на небе какой-то идентификационный номер. И, похоже, увидел, потому что кивнул себе. – Удачи, Шипастый.

А после исчез. Без всякого светопреставления, оглушительного взрыва или, наоборот, наплывающего тумана. Будто мы смотрели кино, и на следующем кадре его больше не оказалось. А мы еще с минуту стояли, глядя в пустоту, точнее туда, где еще недавно находился Несущий Свет.

Первой опомнилась Алиса:

– Так, секундочку, мы мертвы?

– Решила перенять пальму первенства от Тремора? – поинтересовался я. – Если вкратце, то да. Это место вроде Чистилища, куда твоя душа попадает после смерти. Хотя тела они типа оставили, но добавили пару фишек. Остальное ты слышала.

– И что нам делать, Шип, то есть Федор? – повторила мой недавний вопрос Громуша.

– Лучше пока Шип. Я еще сам не разобрался во всей этой хреноверти, – ответил я ей. – Но цель у нас прежняя: завалить Голос.

– Этот Несущий Свет ничего не говорил про нас, – угрюмо пробурчала Гром-Баба. – Про тебя – да, про нас – ничего. Получается, и смысла никакого нет?

– Можешь сразу поднять лапки вверх и ждать, пока кто-нибудь придет тебя убивать. А потом надеяться, что окажешься в раю. Ну, или как у них там, на верхнем порядке, или в... Надо позвать иномирных лингвистов. Или мы можем довести все до конца. Попробовать, по крайней мере. И уже от этого танцевать. Ну, что скажете?

– Я тут недавно вспомнила кое-что. Из прошлой жизни. Так что я в рай не попаду, – угрюмо ответила Гром-Баба. – Поэтому я с тобой.

– А что такое? – усмехнулся я. – Обвесила кого или пирожки несвежие продала?

Громуша не ответила, но я понял, что там что-то серьезное. Такое, о чем молчат до конца жизни, не рискуя открыться даже самым близким, а изредка, по ночам, вспоминают, вскакивая в холодном поту.

– Я тоже до смерти праведником не был, – негромко сказал Слепой. – Поэтому я ш тобой.

– Из-за меня мальчик один повесился, – оживилась Алиса. – Любил очень, угрожал, что если я не буду с ним, то счеты с жизнью сведет. Я думала, что шутит. Хотя не знаю, можно ли это принять на мой счет. Но я так и так вас не оставлю, грешники.

– Ну а ты что? – спросил я Крыла. – Сомневаюсь, что у тебя на счету десятки мертвых мальчиков. А мастурбация не грех, не верь католическим священникам.

– Я че... – пожал плечами пацан. – Я туда же, куда и дядя Шип.

– И я с вами, – кивнул сам себе Псих. – Если ничего не получится, то хуже точно не будет. А если получится, то интересно посмотреть на конечный результат.

– Вот это самый здравый подход, – я хлопнул его по плечу. – Ладно, грешники, как правильно нас назвала Алиса, у нас есть немного патронов, еда (хотя, казалось бы, зачем она мертвым) и, что самое главное, цель. Но это еще не все.

Я подошел к колонке и жестом показал Слепому, чтобы тот нажал рычаг. Вода забила мощным ключом, ледяная и одновременно обжигающая. Я плеснул себе за шиворот и напился так, что зубы заболели. А сам думал.

Забавное место. Мы вроде как уже не существуем, но по-прежнему остались в своих телах. Испытываем все те же материальные неудобства, даже до ветру ходим, да и от отсутствия еды живот сводит. Чувствуем себя живыми, но именно ими и не являемся. И что нас ждет в случае успеха? Застрять в этом странном Городе, который вряд ли когда-нибудь станет родным? Или есть еще вариант?

Я почесал свою седую голову и выпрямился. А после прислушался к себе и почувствовал знакомый зуд.

– Знаете, наверное, я скажу одну интересную мысль. Но именно сюда Несущий Свет перенес нас не просто так.

Глава 2

Я искренне скучал по старым добрым временам. И речь тут не про молодость и прижизненные события (вот ведь, прижизненные, так и привыкнуть недолго). Я о тех временах, когда мы сидели в квартале, и нам строго-настрого запрещалось выходить наружу. Развернул диван в правильную сторону – и наслаждаешься жизнью.

Но, как известно, волка кормят именно ноги. А тем, кто хотел победить Голос, двигаться надо было в два раза больше, чем остальным. Хотя что до «остальных», у меня возникли определенные сомнения. Судя по армии черных, Голос обратил значительную часть Города. Трудно сказать, всю или нет – я до сих пор не вполне понимал масштабы населенного пункта, в котором мы находились, как и количество умирших.

Мне даже смешно стало. А ведь подсказок была куча. Книжки в бомбоубежище – Гете, Данте, Булгаков. Потом перевернутая Библия в доме культуры. Списки прибывших в архиве. Будь моя жизнь художественной книгой средней паршивости, а я внимательным читателем, давно бы все сопоставил. Еще бы и написал автору, что халтурщик он, я, мол, сразу все понял. Но простите, кто на что учился.

– Так куда мы идем? Артефакт почувствовал?

Голос валькирии ворвался в голову, как вшивый в баню – резко и с разбегу. Ощущение сложилось, будто я от профессионала прямой удар пропустил. Пришлось даже остановиться, чтобы прийти в себя.

– А чего так орать-то? Пломбы не вылетят?

– Хам! Я думала, что мы партнеры, – надулась Бумажница. – Я к нему еще по-хорошему. Могу по-плохому.

Почва ушла из-под ног, и меня будто бросили в глубокий колодец, правда, весьма странный. Я видел, что происходит вокруг моего тела, понимал, что чувствую. Вот, к примеру, сейчас взял и почесал причинное место. Ну, как почесал. Скорее уж, довольно продолжительное время подержал, совершая поступательные движения. Понимание, что я не контролирую себя, ошеломило. Не привык как-то, что тело живет собственной жизнью. Но еще больше удивило, когда меня так же неожиданно подняло вверх и впахнуло обратно.

– Понял теперь? – снова прогремело в голове, но уже тише. Видимо, валькирия все же отрегулировала громкость. – Три процента – это не шутки. Открываются неожиданные перспективы. Так куда идем мы с Пятачком?

– Куда-куда, к артефакту, конечно, – нахмурился я. Всегда говорили, что с шантажистами нельзя иметь дело, однако поди такой особе откажи. А отдыхать в мысленном зиндане мне что-то не улыбалось. – И ты права, три процента открывают неожиданные перспективы.

– Это что еще значит? – тон Бумажницы сразу сменился с веселого и надменного на настороженный.

Как и всякая женщина, валькирия немного напрягалась, когда осознавала, что сейчас происходит нечто, не попадающее в сферу ее понимания. Это ладно, была у меня одна знакомая по молодости, возле части жила, чем и обуславливалась ее популярность. Так у нее подобное выражение возникало каждый раз, когда мне стоило сказать хоть что-то осмысленное. Правда, справедливости ради, я это осознал довольно скоро и свел общение к минимуму. Все остальное время мы дружили исключительно телами.

– Прислушайся, – посоветовал я ей. – Можешь даже глаза закрыть. Ну?

– Да что за херн... Погоди, – вдруг приободрилась она. – Будто кто-то отбойным молотком вдалеке долбит.

– Угу, именно. Только могу поклясться, что никого там нет. В смысле, с отбойным молотком. А вот существ – с избытком. Просто благодаря артефакту мы чувствуем их присутствие.

– Жрецы, – встрепенулась валькирия. – И их много. Прямо до хрена.

С каждой новой секундой тон Бумажницы становился все более возбужденным. Вот уж не думал, что валькирию заводят мужики в рясе. С другой стороны, какое мне дело до чужих извращений? Я вон вообще с Алисой сплю.

– Сказать, что они охраняют? – вкрадчиво спросил я.

– Да не тупая, поняла уже. Значит, заходим, берем артефакт, выходим. Приключений на двадцать минут.

– Ну, план почти такой. Надежный, как швейцарские часы. Поэтому я был бы тебе очень признателен, если бы ты и дальше оставалась союзником, а не мешала.

– Я всю дорогу только и делаю, что помогаю! – возмутилась Бумажница. Однако тут же добавила уже более спокойным голосом: – Ладно, услышала, приняла. Постараюсь по возможности не дергать. Но если что, зови.

– Как только, так сразу, – я даже не покривил душой. В последнее время Бумажница была на редкость полезной.

– Шип, ты там все внутри себя обсудил? – обратилась ко мне Алиса. – А то мы уже притомились.

Только теперь пришло понимание, что для группы я все это время стоял посреди дороги, обращенный исключительно в себя. Ага, еще изредка бормотал что-то. Судя по участливому выражению лица Алисы, она сейчас относилась ко мне не иначе как к старику, который сидит на остановке и не знает, куда ему надо.

– Все отлично, у меня тут небольшой брейншторм был. В смысле, у нас. В общем, долго объяснять. Двигаем.

Мы почти покинули бедный район. По крайней мере, бараков стало значительно меньше. Их сменил небольшой частный сектор, за которым уже виднелись те самые пятиэтажные панельки. Сейчас мы шли вдоль убитой дороги. Когда-то давно ее можно было назвать асфальтированной, но из-за многочисленных рытвин и ям, которые просто засыпали щебнем и песком, дорога стала со временем проселочной.

Что мне не нравилось, так это что мы оказались на открытой местности. Конечно, судя по всему, тут уже давно никого не было. Все забрали обращенные. Вот и вернувшийся Крыл сказал, что до самих пятиэтажек не встретил ни души. Однако смутная тревога не покидала меня. Значит, дело даже не в этом. Тогда в чем?

– Всем боевку накинуть. Гром, ты давай вперед. Все внимательно осматривай. Не нравится мне здесь.

– А что осматривать, Шип? – спросила уже медным голосом Громуша.

– Не знаю, следы какие-нибудь. Все, что заметишь. Любую странность. Что-то должно вылезти.

Вот как объяснишь женщинам, что такое чуйка у человека, не раз побывавшего на войне? Или почему дикий зверь просыпается в самый темный час и рычит в пустоту? У меня была теория, что существо, постоянно пробуящее на вкус этот мир, начинает по-особому чувствовать опасность. Это отдаленно походит на жизненный опыт, который, как и половое бессилие, приходит с годами.

Мы значительно снизили скорость передвижения по широкой проселочной улице. Невысокие дома вдоль нее, чаще на два хозяина, равнодушно смотрели на нас. Да еще явно с некоторой издевкой на отсоединенном прицепе неподалеку было выведено «Мирный». Угу, хрен вам, вы меня не поведете.

– Шип, – негромко позвала Громуша, и я понял: что-то нашла.

Дал знак остальным оставаться на месте, а сам пригнулся и добежал до танка. Та стояла возле длинного, разделенного на две части забором выбеленного дома с забитыми снаружи окнами и наклеенной на стекло изнутри бумагой. Единственными чистыми, даже вроде

вымытыми, были дальние от угла окна. В той части двора, которая просматривалась отсюда, росло несколько яблонь; прямо посреди грядок стояла старая чугунная ванна, использовавшаяся когда-то как емкость; рядом остатки деревянной теплицы и сваленные явно для растопки старые рассохшиеся шпалы.

А чего бы и нет? В своей жизни я всякое повидал. К примеру, некоторые извращенцы, живущие возле железных дорог, из подобного материала и дома строили. Не знаю, что там потом было со здоровьем хозяев, явно ничего хорошего, но это уже частности.

Но что меня смутило сразу – это запах. Дух десятков немытых тел, мочи, дерьма, чего-то гниющего и тухлого. В приличных домах Парижа и Лондона флер другой. Поэтому меня сразу замутило.

– Вон, – Громуша указала на протоптанную тропинку, не обращая на запах никакого внимания.

С виду ничего такого, но приглядишься – и увидишь глубокие следы на земле с темными бурыми пятнами, точно что-то тяжелое тащили, и не раз. Про бурые пятна и так все ясно – кровь. Вели следы аккуратно через двор к задней части дома.

Я толкнул невысокую, мне до груди, деревянную калитку, и та поддалась без малейшего сопротивления. Не заперто. Тоже тревожный звоночек. Это место не походило на то, где построили мировой коммунизм и теперь все резко стало общим. А в частных домах, да еще вблизи города, калитки закрывают всегда.

Гром без лишних разговоров отправилась вперед, я только знаком показал двигаться к незаклеенному окну. Уж больно интересовало, почему мне на подсознательном уровне так не нравится этот дом. Прямо хотелось сжечь его и уйти не оглядываясь. Но я привык трансформировать свой страх в нечто вполне себе объяснимое, чтобы потом его же победить.

Заметил лишь, что возле дома запах стал намного резче, будто его мочой облили.

Но уточнить, кто тут устроил уличный туалет в совсем неподходящем месте, я не успел. Длинная очередь и осыпающиеся осколки стекла разорвали гнетущую тишину. Я лишь увидел задранный ствол калаша, упершийся в небо. Это от неопытности. Стрелок, не особо целясь, выпустил весь рожок, единожды нажав на спусковой крючок. И почти никуда не попал.

Почти – потому что несколько пуль поймала своим могучим телом Гром-Баба, что было равнозначно промаху. Я же отделался легким испугом. К моменту, когда неизвестный перестал стрелять, окно плотно накрыло игольчатым залпом. И все, наступила тишина, правда, продолжавшаяся совсем недолго. Вскоре над нами в прямом смысле разверзлись небеса, и сверху упала огромная огненная глыба.

Громуша по-бабьи закрыла голову руками и сгорбилась, а я запоздало понял, что ничего сделать не успею. Накроет в любом случае. И только потом чьи-то хилые пальцы схватили меня за шиворот и проворно протащили несколько десятков метров. Крыл даже попытался перелезть через забор, но то ли я оказался слишком тяжел, то ли вираж заложил довольно поздно, но получилось, что я впечатался в ограждение из тонких реечек и благополучно снес его. Зато оказался неподалеку от общей группы и смог посмотреть, что происходит с Громушей.

Кусок метеорита упал в двух шагах от нее. Вроде бы не задел, но раскаленная волна огня, поднявшаяся после, отбросила танка на задницу. Правда, никаких особых неприятностей не доставила. Что будет памятнику, который пытаются спалить? Вот и я говорю, что ничего.

Огонь разошелся метров на пять в ширину и на пару метров в высоту, опалив растеня вокруг и оставляя на идеально белой стене следы копоти, а после исчез вовсе. Сам метеорит раскрошился и рассыпался как трухлявый пенек. Вот только меня это не успокоило. Скорее, наоборот, напрягло. Кто знает, что этот гребаный пиромант там еще приготовил? Спички детям не игрушка.

– Гром, он внутри! Заходи, мы следом!

За то время, пока танк с кряхтением и проклятиями поднималась на ноги, мы успели пробежать вдоль забора и забраться внутрь двора. И тут остановились. Потому что героизмовать при живой (как бы забавно теперь это ни звучало) Гром-Бабе никто не хотел. Да и зачем лезть на рожон, когда у тебя прямо здесь есть щит. Сейчас он придет в форму, отдышится после трудного подъема на ноги, и «сделает грязь».

Так и получилось. Громуша явно рассердилась после негостеприимного знакомства с хозяевами белого домика и теперь всеми силами желала отплатить взаимностью. Запертая на ключ дверь в сени разлетелась на части под настойчивостью Гром-Бабы, и вторую вскоре постигла та же участь.

Раздалось несколько тяжелых шагов, резкий вскрик – и удар. Потом, когда я уже решил, что настала пора ворваться основной группе зачистки, меня чуть не растоптала Гром-Баба, которая теперь всеми фибрами своей крупной души жаждала оказаться снаружи. Пришлось в последний момент отскакивать в сторону. Как говорят, у бегемота очень слабое зрение, но вот это совершенно не его проблемы.

Когда уже Гром-Баба упала на колени и смачно выблевала недавно съеденное, я кивнул Слепому. А после, еще больше выпустив шипы и приготовясь применить их в самое ближайшее время, поднял автомат и вошел внутрь, крикнув напоследок:

– Остальные пока здесь!

Запах дерьма и мочи стал не просто сильнее. Казалось, из него попросту и состоял дом. Я откашлялся, чтобы как-то погасить приступы тошноты, и шагнул вперед. Под ногой скрипнула половица, и, вторя ей, зашелестели тихие голоса, словно доносящиеся с того света.

Крохотную комнатку-кухню со старой печкой я проскочил быстро и вскоре обнаружил источник звука.

Их было девять человек. Хотя... человек ли? Голые мужчины и женщины с плотными повязками на глазах, крепко связанные по рукам и прикованные к длинной самодельной батарее, идущей по всей огромной комнате. Больше всего они походили не бесплотные тени – истощенные, испуганные, словно стесняющиеся собственного существования.

Я смотрел на эти израненные, явно подвергнувшиеся пыткам тела, перемазанные своим же дерьмом, и мне стало не по себе. Мы, конечно, и сами не ангелы. Но какими надо быть нелюдями, чтобы сотворить такое?

Тюремщики, или те, кто присматривал за пленными, тоже были здесь. Правда, судя по кристаллам, лежащим на телах, свое они уже отвоевали. Тот, что неумело стрелял, сейчас отдыхал, прошитый десятками игл, возле окна. Незадачливый пиромант с разmozженной головой валялся на входе. Знатно его Громуша приложила.

Что меня напрягло больше всего, обороняющиеся были подростками. Лет тринадцати, не старше – нескладные, только начавшиеся формироваться фигуры, тонкий пушок над губой, усеянные прыщами лица. Тот, который огнем управлял, и вовсе весь в угрях. Мальчишки, мальчишки...

– Шипаштый, да что же это такое делаетшя? – дрожащим голосом спросил у меня старик.

Будто я мог ответить на этот вопрос. Мы видели многое: и эков, и людоедов, и валькирий, но даже у меня человеческая жестокость здесь, в Городе, вызвала неоднозначные чувства. Такое ощущение, что мы стали участниками соревнования по свирепости, о правилах которого знают все, кроме нас. А ведь все, кто оказался тут, по большей части гражданские люди. Те, с кем мы утром здороваемся на лестничной площадке и сталкиваемся в магазинах.

Я приблизился к ближайшей «тени» – некогда корпулентному человеку с весьма внушительным авторитетом, заработанном на пиве и вкусных закусках. Теперь от большого живота остались лишь складки на коже и груди, а сам мужичок превратился в суповой набор. Жесткая у него, конечно, диета. И радикальная. Я только коснулся его головы, даже не успел повязку

снять, как тот заверещал, подобно пойманному зайцу. Рука отдернулась сама собой, а Слепой неосознанно выпустил иглы еще дальше. Даже меня чуть не ранил.

– Нет, не меня, пожалуйста, не меня, – лепетал похудевший. – Не меня. Нет! Не меня!

Он орал, повторяя это «Не меня» минуты полторы, после чего затих, изредка всхлипывая. Остальные, еще недавно издававшие хоть какие-то звуки, замолчали совсем. Даже двигаться перестали, застыв в тех позах, в которых были, когда услышали крик похудевшего.

– Меня зовут Шипастый, – пытаюсь говорить ровным голосом, сказал я. – Мы вас всех освободим. Расскажите, что здесь случилось?

И снова тишина, будто со стеной разговариваю. Пленники даже не шелохнулись. Я попытался подойти к немолодой женщине с длинными сальными волосами, обломанными ногтями и растяжками на обвисших боках, но получил похожую реакцию. Та стала сучить ногами и извиваться, словно я хотел как минимум надругаться над ней, а как максимум...

– Пойдем, Слепой.

Как только старик оказался снаружи, его затрясло. Гром к тому моменту уже закончила очищать желудок и теперь просто отплевывалась. Мне впервые за много лет захотелось курить. Одну сигарету за другой. Вместо этого я достал бутылку и жадно сделал несколько глотков.

Зря, конечно, поторопился, потому что сразу же закашлялся. Даже родимая водка не на благо пошла.

– Что там, дядя Шип? – испуганно спросил Крыл.

В ответ я лишь помотал головой. Мол, не сейчас.

– Я прошто не понимаю, не понимаю, – чуть не плакал старик. – Богородица-заштупница...

Он стал бормотать еще что-то, но тихо и неразборчиво. Признаться, я его и не слушал, слишком сильно оказался погружен в свои мысли. Думал недолго, потому что для меня все было очевидно.

Люди – крепкая и вместе с тем хрупкая конструкция. На войне я видел истинные чудеса человеческого духа. Но знал, что любого можно сломать. Не знаю, во имя чего пацаны заперли здесь этих бедолаг и что с ними делали. Но все пленники сломались, и теперь их не починить. Я переставил флажок у автомата на одиночную стрельбу, после чего решительно вошел внутрь.

Они не сделали ничего. Не кричали, не пытались сопротивляться, лишь некоторые чуть заметно вздрагивали от резкого звука. Просто ждали своей очереди. Потому что для каждого подобное было своеобразным освобождением. А я, закончив начатое, вытер выступивший на лбу холодный липкий пот и вышел наружу.

– Так будет лучше, – сказал я то ли группе, то ли самому себе. – Они уже все равно мертвы.

– Давайте уберемся отсюда подальше, – Гром-Баба выпрямилась. – И поскорее.

– Вот уж хрен, – отозвался я. – Люди были заперты здесь не случайно. Их к чему-то готовили. И вряд ли эти двое. Мы останемся, устроим засаду и подождем остальных. У меня к этим мерзавцам много вопросов.

Глава 3

– О, гляди, жмурик, – сказал тоненьким, почти девчачьим голосом долговязый парень. – И вон там еще один. Огонек с Бурым, по ходу, их завалили.

– Как будто есть другие варианты. Интересно, откуда эти жмуры пришли. И еще – где Огонек и Бурий? – спросил у него конопатый коротышка.

– В доме, наверное... – неуверенно ответил долговязый.

– Там же воняет, – протянул третий, рыжий как солнце.

Их оказалось чуть меньше, чем я предполагал. Четверо. Примерно одного возраста – тринадцать-четырнадцать лет, одеты кто как, но с оружием. Калаш, один «вепрь», прямо за ремень заткнуты пистолеты. Надеюсь, они на предохранителе, а то, неровен час, что-нибудь себе отстрелят. С другой стороны, такие мрази и не должны размножаться.

Что пацаны имели к оружию весьма далекое отношение, я понял сразу. К примеру, долговязый держал калаш на ремне за левым плечом стволом вверх, руки в карманах. Да еще снял оружие с большим запозданием, а не сразу, как увидел «убитых нападавших».

Ну да, это раньше у ребят в школах была военная подготовка, которая впоследствии сменилась на патриотическое воспитание. А там знание огнестрельного оружия – уже не самое важное.

Коротышку я определил за главного в этом отряде. Слишком уверенно он вел себя. Да и первый подошел к убитому, внимательно разглядывая того.

Что до жмуриков, то здесь пацаны не ошиблись. Точнее, сделали правильное предположение, на которое я и рассчитывал. Поэтому мы специально одели пару убитых пленников и положили их лицом вниз, будто пара бродяг случайно забрела сюда.

Одежду взяли за домом, в том самом дворе, куда и вели кровавые следы. Бог знает, зачем и почему, но именно здесь эти малолетние ублюдки раздевали своих жертв, снимая все ценное. И даже аккуратно все сортировали – сложенные джинсы – к штанам со стрелками, рубашки – к футболкам и майкам, ботинки и туфли – каблук к каблуку, украшения – в железную коробку из-под конфет. Аккуратисты херовы. Вот на этом этапе сдался Слепой, согнувшись и забулькав горлом. Как ни странно, на выручку пришла Алиса. Именно она помогла мне одеть трупы, хоть ее и заметно потряхивало от вида изуродованных мертвых тел.

Казалось бы, бесполезное занятие. Вот только если бы пацаны пришли на звуки выстрелов и увидели разбомбленный дом с выбитым окном, то напряглись бы сразу и тут же пустили в ход все свои умения. А трупы, тем более чужие, довольно сильно отвлекают внимание. Вот и сейчас, когда малолетние ублюдки сгрудились над одним из мертвых людей, они смотрели куда угодно, только не по сторонам. А тем временем карательный отряд – нас я называл теперь именно так – уже взял их в кольцо.

– Бля, это же один из этих! – коротышка носком ботинка перевернул труп.

Под «этими» подросток явно подразумевал пленников. Ублюдки ожили, как рой рассерженных пчел, загалдели, даже не сразу заметили, что зеленый ковер под их ногами ожил, опутывая конечности. Это я так уж, для перестраховки. А когда пацаны завертели головами, то увидели молодого человека с роскошной, чуток беспорядочной шевелюрой и неестественно вытянутым ртом. А уже потом ощутили на себе, что значит инфразвук.

Признаться, от корчащихся на траве уродов, которых все больше опутывали побеги, не позволяя пошевелиться, в душе возникало нечто похожее на удовлетворение. Я кивнул Крылу, показав на троих подростков, и тот быстро подлетел и усыпил их, оставив для разговора коротышку. Слепой тут же подошел к нему, прижав дуло автомата к голове, и мы стали ждать, когда этот недоросль придет в себя.

Видимо, Псих действительно сильно повысил свои навыки. Или просто наострился со способностями. Но ждать пришлось минут пять, после чего коротышка поднял глаза и хоть как-то осмысленно поглядел на меня.

От его взгляда я невольно улыбнулся. Он боялся. Еще как боялся. Но вместе со страхом в его глазах читалась нечеловеческая злость. Маленький злобный щенок. Стоит зазеваться, и такой больно тебя укусит. А сбившись в стаю, такие вполне могут и серьезно навредить.

– Сделаешь резкое движение – тебя убьют. Это понятно?

– Понятно, – через зубы выдавил тот.

– Расскажешь нам кое-что.

В моем голосе не было вопросительных ноток. Я хотел, чтобы собеседник сразу понял: это не предложение.

– И что? Вы меня отпустите? – злобно улыбнулся тот.

Вместо ответа я ударил его. Хлестко и больно, как умел. Признаться, даже самому приятно стало. Сейчас больше всего мне хотелось забить его до смерти. Но пока этот гад был еще нужен.

– Вопросы задаю я. Ты отвечаешь. Правила простые.

Коротышка ничего не ответил, но по взгляду стало очевидно: больше всего ему хотелось бы сейчас перегрызть мне горло зубами.

– Зачем вы держали здесь людей?

– Для собственной защиты, – зло выдавил из себя ублюдок. – Мы отдаем их монахам. Они взамен защищают нас от вырождков.

– От вырождков? – улыбнулся я. – А вы тогда кто?

Коротышка дернулся, высвобождаясь из моих пут. Запоздало я заметил, что его правая рука там, где у нормальных людей должна быть кисть, превратилась в широкий длинный клинок. Ну здорово, очередной пацан со сверхспособностью, который не меняется в режиме боевой трансформации. И как различать, когда вы оборачиваетесь?

Он успел вывернуться, чтобы оказаться лицом к лицу со Слепым. Точнее, со стволем, который держал в руках старик. После чего наше шепелявое орудие возмездия нажало на спусковой крючок.

Пустая гильза тихо упала на густую траву, а коротышка, с тем же злобным выражением лица, завалился набок. Да, с такой дыркой во лбу жить сложно.

– Извини, Шип, прошто он...

– Не оправдывайся, – ответил я старику. – Он все равно был не жилец. А собак, которые попробовали вкус человеческого мяса, всегда отстреливают. Потому что те до смерти будут бросаться на людей. А эти еще хуже собак. Слепой, и кристалл с него заberi. Твой.

– Этого куда, во двор? – спросила Громуша.

– Да нет, посади к дому, спиной к стене, чтобы было видно его тупую голову. Станет наглядным уроком. Крыл, давай следующего. Давай вот этого, длинного. Слепой, будь настороже.

На этот раз все произошло слишком внезапно. Долговязый проснулся резко, молниеносно обвел нас взглядом, не упустив мертвого друга, после чего утробно зарычал. Зрачки неожиданно пропали, а глаза озарились таким неприятным светом, будто засранцу в задницу вставили светодиодную лампу. Тут уж я не стал искушать судьбу:

– Слепой!

Громкий выстрел заставил глаза ублюдка погаснуть.

А у меня возникли определенные сомнения. Не знаю, кто и как промыл мозги этим пацанам, но сделал он это мастерски. Придется работать, что называется, на контрасте.

– Громуша, а вот этого давай на зады, убери от греха. Крыл, какая-то рука у тебя тяжелая, – усмехнулся я.

– Я виноват, что ли, дядя Шип, – надулся пацан.

– Не виноват, конечно, шучу я.

Хотя поводов для веселья не наблюдалось. Я посмотрел на двух оставшихся в живых – пока еще в живых – подростков. Первый – с короткими рыжими волосами и милым лицом, усеянным веснушками. Прямо мальчик-одуванчик. Вроде говорят, что люди с веснушками не бывают злыми. Угу, конечно.

Второй, с кривым, поломанным носом и исправленной заячьей губой, был, как бы помягче сказать, не красавец. Я и сам, конечно, не Ален Делон, но по сравнению с этим ребятенком был бы нарасхват. Он точно зол на весь мир. Как минимум, что родился изначально не столь идеальным. И явно завидует своему веснушчатому другу. План неожиданно возник сам собой.

– Громуша, а принеси обратно того длинного. А этого, – я указал на рыжего мальчика, – пока, наоборот, убери.

– «Принеси, унеси...» – проворчала Громуша. – Нашли тут грузчика.

Но все же сказанное сделала. Теперь возле стены подкопченного дома рядышком сидели два боевых товарища. В таком виде, в каком и должны быть, – в мертвом.

– Крыл, давай.

Пацан с видом ученика, который в пятый раз переписывает из-за помарок домашнее задание, подошел к лежащему уродцу. Про себя я того назвал Заяц, в честь хирургически исправленной губы. Пара секунд на воздействие тех самых стрекозиных феромонов – и подросток уже пришел в себя.

– Слушаешь меня внимательно, отвечаешь на вопросы правильно – отпускаем, как твоего рыжего друга. Начнешь творить херню и быковать – присоединишься к менее удачливым товарищам, – я указал на готовых актеров для рекламы Twix. В смысле, сладкую парочку.

– Рыжий, ссука, – прошипел Заяц с ненавистью. – Не зря он мне не нравился.

Нет, дружок, не нравился он тебе по другой причине. Как раз из-за смазливой внешности. Но причину своих чувств ты подсознательно искал в его поведении, поступках. Думаю, следил за каждым шагом и пытался докапываться до всяких мелочей. И вот наконец я подарил тебе шанс заслуженно ненавидеть более удачливого в генетическом плане пацана.

– Если договоримся, то отпустим, – повторил я, кивнув в сторону калитки. – Будешь сам разбираться с Рыжим. А если нет...

Я пожал плечами. Заяц скосил глаза на ствол в руках Слепого, поглядел на мертвых товарищей, а потом спросил меня:

– А чего вы еще хотите услышать, если Рыжий и так все сказал?

– Надо же убедиться в искренности его слов. И вдруг мы еще что-то важное услышим, о чем забыл твой приятель. Так что?

Было видно, что Заяц колеблется. Не хватало крошечного камушка, чтобы могучая лавина обрушилась с вершины горы и погребла под собой все то, что подростки называли дружбой. Пришлось его кинуть.

– Рыжий, наверное, уже добрался до ваших. Рапортует о героической смерти группы. Или, напротив, о бесславной кончине.

– Хорошо, – чуть не выплюнул в меня согласие подросток. Но я знал, что злится он не на меня. Красочно представляет, что делает Рыжий.

– Расскажи подробнее, для кого и зачем вы готовили пленников.

– Для монахов, – подтвердил недавние слова коротышки Заяц. – Они живут правее от нас. Всегда жили, еще с первой волны, когда каждый по себе был. А потом, уже после объединения, появились эти уроды из тумана. Они вроде как с монахами на ножах. И вот Завуч и договорился, что мы будем людей поставлять монахам, а они нас станут защищать от уродов.

Я ловил каждое слово, стараясь быстро обрабатывать имеющуюся информацию. Значит, рядом с подростками с начала времен, точнее Эпохи, поселились Жрецы. Собственно, ничего такого, обычное дело в условиях Города. Удивительно было только то, что их оказалось много. Боязн одиночества или свингер-вечеринка? Придется выяснить.

А потом неподалеку поселились демоны. Ну, или сыновья Несущего Свет, весь вопрос в формулировке. И объединившиеся подростки во главе некого Завуча решили пойти по стопам людоедов – договориться со жрецами в обмен на определенные ништяки. А что нужно жрецам? Человеческие жертвы. Ох, хоть какая-то стабильность в мире.

– Зачем вы издевались над пленниками? – спросил я.

– Завуч приказал. Он говорил, что монахи очень довольны, когда им приводят людей... – тут Заяц запнулся, явно подбирая слова, – с поехавшей кукушкой.

Я сплюнул на землю, стараясь сдержаться. Вот же суки!

– Расскажи про Завуча.

– Не знаю, обычный дядька, – пожал плечами Заяц. – Жесткий немного, но в целом нормальный.

Ага, обычный. Подмял под себя кучу подростков и вытащил из них наружу всю гниль.

– Почему Завуч?

– Когда объединялись, кто-то из пацанов спросил, почему мы должны его слушать. Сказал, что он завуч. Больше мы не спрашивали.

Ну да, есть в этом определенная логика – ответить неожиданно на поставленный вопрос. А может, этот человек что-то помнил о прошлой жизни? Теперь я ничему не удивлюсь. Мне стало лишь понятно, что с этим пассажиром нам не по пути.

– Сколько вас? – вкрадчиво поинтересовался я.

Заяц замолчал, ясно понимая, что это уже подстава. Одно дело – поведать о положении вещей, и совсем другое – в открытую сдавать своих.

– Спрашивать, где находится ваше убежище, бесполезно, так? – поинтересовался я, выражая на ладони отросток.

Рыжий затравленно поглядел на острую колючую лиану, которая покачивалась, точно кобра.

– Вы же сказали, что отпустите. Мы же договаривались.

– Договариваются с людьми, а не моральными уродами. Скажем так, я тебя обманул.

Лиана пробила голову Зайца. С этой точки зрения, ему остается только позавидовать. Умер быстро, безболезненно, с полным пониманием, за что.

– Ну этого-то можно было поглотить? – возмутилась Бумажница. – Я напому, у тебя три процента заполненности.

– Можно, – ответил я. – Только с повышением уровня заполненности я перестану так остро чувствовать жрецов. А это еще может сыграть нам на руку.

– Херовый какой-то план.

– Не переживай, я знаю, что делаю.

Я поднял кристалл с груди Зайца и кинул его Крылу. Тот недоуменно посмотрел на меня. Мол, с чего такая роскошь? С чего, с чего... Мне эти крохи без надобности, а вот на пацана возлагалась серьезная задача.

– Громуша, собираемся и уходим огородами. В прямом смысле этого слова. На дорогу больше не высываемся.

– А как же Рыжий? – удивился Слепой.

– Его оставляем.

Группа недоуменно уставилась на меня. Ну, ей-богу, вроде все такие уже сто раз опытные, а простейших вещей не просекают.

– Очнется он, увидит убитых товарищей, потом сунется в дом – там картина еще хуже. Что он сделает?

– За подмогой побежит, – предположил Слепой.

– Вот и я о чем. Крыл спрячется с другой стороны дороги. Когда Рыжий выберется отсюда, Крыл аккуратно за ним проследит. Прилетит к нам и сообщит координаты лагеря этого Завуча. Все же логично, чего подтупливаете?!

Сам не понял, чего рассердился. Но факт оставался фактом: завелся я с полуоборота. Странно, ведь меня даже эти малолетние ублюдки из себя не вывели. А свои же довели до белого каления. Хотя так обычно и бывает. К близким всегда требования повышенные. На них и срываешься чаще.

Но вместе с этим появилось ощущение, что что-то не так. Будто пошел отлить, а вместо мочи увидел струю крови. С одной стороны, тоже жидкость, с другой, вроде так быть не должно. Поэтому неплохо было бы аккуратно застегнуть штаны, выйти наружу, выключить свет, а потом уже обрывать телефоны скорой с криками, что ты умираешь.

А еще в голове сильно застучало, как под капотом старого авто. Нехорошо так застучало, заглушая все остальные звуки.

– Шип, у тебя... – стала говорить Громуша, указывая на меня, но ее голос словно слился с окружающим воздухом. Расплылся в эфире, преобразуясь в потоки энергии. Так, это еще что за хрень у меня в голове? Какие эфиры? Какие потоки энергии?

Мозг, словно получив команду, что компьютер начал сбоить, выполнил единственно правильное решение – перезагрузил его. Картинка погасла, чтобы снова включиться.

Казалось, прошло не больше секунды. Вот только окружающая действительность довольно сильно изменилась. Появились жесткая узкая кровать, на которой, собственно, я и лежал, старый деревянный стол, электрическая печка, шифоньер и крохотная черно-белая фотография какого-то мужика на стене. Тот грозно смотрел на меня и не понимал, какого черта я тут делаю. Что тебе сказать, мужик, у меня такой же вопрос.

– Шип, ты чего, помирать, что ли, собрался? – сурово спросила Алиса, неожиданно появившаяся возле кровати.

– Нет, у меня нет привычки помирать дважды в год. Нынче я план выполнил. А мы где?

– Да тут, неподалеку, – в комнату выплыла Громуша с самым натуральным чугуном, который обернула полотенцем. Оттуда пахло чем-то невероятно вкусным, мясным, даже в животе заурчало. – Все сделали, как ты и говорил. Ушли огородами, Крыл остался. Потом нашли один подходящий домик. Ты лучше скажи, сам как?

– Нормально, – непонятно, то ли соврал, то ли сказал правду.

А сам тут же полез в интерфейс. Там обычно постоянно комментировали всякие неприятности, которые со мной происходили. И не ошибся. Так случилось и в этот раз.

Артефакты Культа: 4/6.

Текущая заполненность живой энергией – 3 %.

Внимание! Ваша заполненность чрезвычайно низка. Для поддержания функционирования артефактам придется использовать вашу жизненную энергию. Внимание! Продолжительный процесс изъятия может привести к необратимым последствиям.

– Угу, «нормально», – Громуша плюхнула чугунок на стол. – Опять вон носом кровь пошла. Алиска, чего сидишь, сделай что-нибудь!

– Так я уже три раза ее останавливала. Она опять идти начинает. Я не понимаю, что это такое.

– Зато я прекрасно понимаю, – недовольно хмыкнула Бумажница. И тут же пробасила, явно передразнивая меня: – «Не переживай, я знаю, что делаю».

Ну да, ну да. В жизни каждого мужчины должна быть женщина, которая в самый трудный и неприятный момент скажет тебе: «Я же говорила!». У меня таких было с избытком.

– О, очнувшись, – на пороге появился Слепой. – Там Крыл прилетел.

Это же сколько времени я провалялся в отключке, если Рыжий успел прийти в себя и добраться до лагеря! Вот тебе и моргнул. Чертовы артефакты!

– Ты отдохни, Шипаштый, – порекомендовал мне старик. – Никуда они от нас не денутся.

– Нет, собираемся и выходим. Времени нет. – Я с сожалением посмотрел на чугунок и добавил: – Хорошо, едим, собираемся и выходим.

Глава 4

Я прислушивался к себе после каждого шага – не рубанет ли невидимый переключатель снова. Признаться, произошедшее меня довольно сильно напугало. Как человек, привыкший к тому, что моя собственная жизнь зависит исключительно от навыков и умений, больше всего я опасался физической немоги. А если артефакты и дальше продолжают стремительно поглощать жизненную энергию с такой же прытью, все к этому придет.

Но и отступать от своего «херового» плана я не собирался. Потому что чем ближе мы подбирались к логову садистов, тем ближе подходили и к жрецам. И вот последних гавриков я чувствовал как родных детей. Семнадцать жрецов – именно столько особей собралось там. Я ощущал движение каждого, и, казалось, даже слышал еле различимые разговоры. Более того, создавалось ощущение, что я могу предугадывать их действия. Вот этот сейчас развернется и пойдет обратно, тот зависнет на одном месте, словно о чем-то раздумывая. Артефакт прекрасно резонировал на остатках своего заряда.

Однако все это потом. В обозримом будущем. Сначала необходимо захватить базу сволочей. И надо торопиться. Не потому, что я могу выключиться в любую секунду, просто именно сейчас логово моральных уродов максимально незащищено. Основная часть группы выдвинулась прочесать местность, где мы убили (хотя в данном случае освободили) пленных, и найти виноватых в побоище. Другими словами – нас. Причем это не особо сложное занятие – просто иди по следам сломанных заборов между участками. Именно так двигалась Громуша.

Мы же все продолжали пробираться через частный сектор. Ей-богу, словно по какой-то деревне идем. Если бы не высокие, вполне городские здания впереди, так бы подумали, что в каком-то глухом селе.

Выбравшись к стоящим в ряд трем пятиэтажкам, мы остановились. Я сверился с картой, а Крыл начал комментировать:

– Вон там они засели. Это что-то вроде промзоны. Два входа, но второй завален какими-то железками. Получается, остается только один, с красными воротами. В прошлый раз, когда этот Рыжий подошел к ним, высунулись двое, еще один был сверху, вон там. Потом ворота открылись.

Я кивнул. Собственно, не так уж и неразумно. Гораздо логичнее, чем засесть в одной из пятиэтажек. Хотя бы потому, что вокруг территории бывшей автобазы – а по всем характеристикам это именно она – почти ничего не было. Бетонный забор высотой в два метра. С одной стороны – частный сектор, с другой – дорога, с оставшихся – промзона. Как раз туда, по словам Крыла, и вел второй ход. Выбор был очевиден. Раз уж начали с огородов, ими и закончим.

– Самое главное, – предупредил я, – никто из защищающихся не должен выстрелить. Думаю, основная группа отошла недалеко. Не хотелось бы, чтобы они вернулись раньше времени.

Не откладывая в долгий ящик, мы устремились к логову сволочей тире заброшенной автобазе. Неожиданно над нами гроыхнуло, и стал накрапывать сначала мелкий дождик, который в течение минуты сменился оглушительным ливнем.

– Отлично, блядь, – вкрадчиво заметила Алиса. – Просто замечательно.

Чего она возмущалась? В мокрой майке, пусть и с немного потекшей тушью, моя пассия выглядела более чем привлекательно. Не будь у нас сейчас ответственного задания, мы бы сделали неожиданный привал, и я бы тряхнул стариной прямо вон в том домике.

Ливень был нам только на руку. В таком грохоте никто не услышит, как подбирается к периметру группа. Да и видимость значительно ухудшилась, стало намного темнее.

Вот только и минусы были. Во-первых, довольно скоро под ногами зачавкала земля. А учитывая, что был это стопроцентный чернозем, постепенно наши ботинки увеличились на

несколько размеров и пару кило. Во-вторых, как мне помнится, осадки были в Городе до этого один раз. И вместе с ними пришла волна. Довольно неприятная, с туманниками. В-третьих, у меня возникли определенные опасения. Как бы Завуч не подумал, что ну его в пень, эти походы в погоду, когда хозяин собаку из дома не выгонит, и не решил вернуться. Поэтому если раньше нам надо было действовать быстро, то теперь мы не укладывались и в предыдущий ритм.

– Живее, живее! – подгонял я своих, не боясь быть услышанным. Гром гремел, будто это было его последнее выступление в этом мире.

И мои несчастные подопечные чапали, торопясь, поскользываясь, падая, поднимаясь и снова падая. Вскоре мы измазались так, что нас вряд ли можно было бы нарочно разглядеть в этих бесконечных огородах. Плохо, что на автобазе не будет кучи грядок, где можно слиться с местностью.

Дождь между тем не утихал и лил с такой силой, словно хотел смыть всех паразитов в виде нас с этого грешного мира. А я задумался. Несущий Свет наказал Голосу оставить меня в покое. В том смысле, чтобы тот больше не предпринимал прямых попыток убийства. Но ведь о климатических неприятностях никто не говорил. Вполне вероятно, что это именно Голос решил дать мне пару карт «в масть». Ну ничего, от воды еще никто не умирал. Не сахарные, не растаем.

Это я, конечно, больше храбрился. К моменту, когда мы добрались до бетонного забора, идти стало практически невозможно. Почву развезло так, что ноги проваливались по щиколотку. И возле ограждения я понял еще одну хреновую штуку: ловким маневром Голос вывел из нашего отряда самую важную боевую единицу. Потому что в дождь Крыл не мог подняться в воздух. Вот ведь зараза!

– Слепой, иди сюда, руки в замок. Псих, залезай, только не елозь. Грязь бы мог стряхнуть.

– Обо что я тебе стряхну, Шип? – огрызнулся крикун.

Ого, зубы показывает. Но это скорее от усталости. Короткий марш-бросок по вязкой почве всех нас вымотал.

– Ладно, давай так залезай, – я решил сегодня проявить чудеса демократии. И даже без санкций и неожиданного введения войск.

Мы со Слепым соорудили замок из четырех рук, после чего Псих не без труда забрался на него, придерживая нас за мокрые головы. Ага, только не прыгай, моря там нет.

Снизу это нечто с вытянутой челюстью а-ля фильм «Крик» смотрелось жутковато. Хорошо, что Псих не стал долго радовать нас своим видом и медленно высунулся из-за забора, после чего «прощупал» площадку на предмет неприятеля. Вскоре он вернулся к нам.

– Четверо. Двое возле ворот, один на лестнице, которая ведет внутрь, третий у дальней стены. Больше никого.

– Спускайся давай, – приказал я. – Теперь вы меня подсадите.

– Шип, ты где ходил? – возмутился Псих, увидев мои ботинки.

– Да-да, знаю, мог бы и грязь стряхнуть. Давай вставай, не бубни.

Я осторожно высунулся из-за забора и стал разглядывать окрестности. Автобаза была огромной. Примерно шестьсот-семьсот квадратных метров, вместо земли – уложенные бетонные плиты. В дальней части – полукруглые ангары, рядом – тот самый второй выход. Возле парадного с двух сторон самодельные козлы, на которых стояли в карауле пацаны. Блин, самым натуральным образом стояли. Мокли, дрожали, но продолжали нести караул, бдительно наблюдая за внешним периметром. Еще один, как и говорил Псих, сидел в открытом кузове старого грузовика, примыкающего к дальней стене. Он следил за дорогой.

Слабым звеном оказался последний из подростков. По всей видимости, он должен был наблюдать за внутренним периметром. Но вместо этого пацан завис на самом верху железной лестницы и явно с завистью посматривал в окошко. Что-то там происходило интересное. Значит, кроме этой четверки, в лагере есть еще кто-то. И этот кто-то укрылся в двухэтажном зда-

нии возле главных ворот. Помещение, кстати, странное. Второй этаж. Такое ощущение, что раньше использовался как офис, а на первый загоняли машины. А Завуч и компания определили все здание как жилой дом.

Признаться, факт наличия еще нескольких бойцов внутри меня немного расстроил. Многовато оставили в лагере. А что это значит? Значит, в отряде, который отправили по нашу душу, на порядок больше бойцов. Ладно-ладно, именно бойцы из них – как из говна пуля. Но численный перевес мне все равно не нравился. Это только в фильмах про героев один в поле воин. На практике часто бывало, что численностью могли вполне задавить хорошо обученный профессиональный отряд.

Ладно, будем действовать-злодействовать по обстоятельствам. Если бы не эти бетонные плиты, я бы мог попробовать достать всех четверых из-за забора своими корневищами, причем одновременно. Но боюсь, что не пробуюсь. Или наделаю слишком много шума.

Я осмотрел стену, с которой наблюдал за периметром. Кроме трех стареньких, но явно находящихся в относительно порядке тентованных ЗИЛов-5301, именуемых в народе «Бычок», – ничего. Видимо, Завуч – тот еще аккуратист. Да и грузовики явно оставил в надежде когда-нибудь решить топливный вопрос.

Так или нет, но наличие машин мне было только на руку.

– Идем туда, – я махнул рукой вдоль стены, вернувшись к своим. – Первым забрасываем Громушу.

Я поймал на себе удивленные взгляды.

– Первой именно ее. Потом можем и не осилить. Следом всех остальных, в порядке очереди.

Мы добрались до нужного места. Я поднялся посмотреть еще раз и остался доволен. Наша позиция «простреливалась» с главных ворот и дальней стены, зато не просматривалась с лестницы. Я понаблюдал минуты две, убедившись, что за все это время караульные даже не предприняли ни малейшей попытки посмотреть, что происходит во внутреннем дворе. Это же как их Завуч выдрочил!

Еще повезло, что у меня взгляд «мягкий». Не знаю, можно ли так говорить. Про себя я именно так его и называл. С этим вообще сложно. Обычно человек всегда на себе чужой взгляд чувствует. По спине мурашки бегут, кошки на душе скребут, идет-идет – и вдруг в самый неподходящий момент обернется. Для разведчика такое смерти подобно.

А вот у меня взгляд был «мягкий». Помню, как-то пару часов из «зеленки» с одного душмана глаз не сводил. Почувствовал тот? Да хрен там. Снял его, когда он отлить пошел.

Я снова предупредил каждого, чтобы вели себя тихо. Кто перелезет через забор – чтобы сразу прятался за грузовиками, не высовывался и ждал остальных. И так уж получилось, что первой на той стороне должна была оказаться Гром-Баба.

Ну а что, я правду сказал. Если мы ее сразу вчетвером сюда не затащим, то потом никак не получится. Поэтому для начала я залез на забор и лег на него. Жестом показал Крылу лечь так же, только лицом ко мне и чуть подальше. После чего Слепой с Психом сделали сцепку из рук, а потом, кряхтя, грозя наложить в штаны и сорвать спины (или наоборот), с трудом подняли Громушу. Та уцепилась сарделечными пальцами за край забора, но подтянуться сил у нее не хватило. Тут уж на помощь пришли мы с Крылом.

С огромным трудом, пыхтя, матерясь про себя и пытаясь не сорвать всю операцию, мы все же справились. Я на минуту подумал о тех бедолагах, которые вручную стараются вытянуть в море китов, выбросившихся на берег. А ведь Громуша довольно заметно похудела со времен первой волны. Прошлое ее мы бы не осилили.

Потом дело пошло значительно быстрее. Алиса, Слепой, Псих, поддерживаемые нами, довольно скоро оказались за грузовиками. А потом и мы с Крылом присоединились к группе. И не последнюю роль здесь сыграл проливной дождь, пряча в своих струях все лишние звуки.

– Короче, слушайте. Слепой, твой товарищ – вон тот, который наблюдает за дорогой. Снимешь *Баллистой*, быстро и надежно. Псих, ты *Инфразвуком* гасишь того, что на лестнице. Алиса, как только он свалится, бежишь к нему и включаешь *Кровавого слугу*. И ждешь дальнейших указаний. Но все это после того, как я сниму парочку возле ворот. Гром, ты сразу к ним с ускорением. Подстрахуешь, если что, вдруг не убью.

– Дядя Шип, а мне что? – Крыл вытащил автомат. – Прикрывать?

– Молиться, чтобы не пришлось стрелять. Начинаем.

Я в очередной раз внутренне выругался. Если бы не эти чертовы бетонные плиты! На таком расстоянии с помощью корневидных я бы чувствовал каждого из врагов, да еще и снять бы мог сам. В этом я был уверен полностью. А теперь приходилось дергаться – дотянусь ли обычными лианами?

Вдобавок пришлось пустить их по низу стены, чтобы не привлекать лишнего внимания. Да и росли они медленно. И я бы мог сказать, что из-за перестраховки, только это было бы неправдой. Сначала лианы предстали вполне толстенькими и красивыми побегами. Но чем ближе они подбирались к караульным, тем тоньше становились. Наконец, спустя нескольких долгих и мучительных минут возле деревянных козел застыли, ожидая своего часа, побеги не толще человеческого пальца. Должно прокатить!

– Внимание! – сказал я. – На счет три.

Слепой к тому моменту несколько раз вытер очки и теперь чуть подался вперед из-за грузовика, вытянув в руке здоровенную иглу. Псих попросту высунулся наружу. А я вложил в лианы все оставшиеся силы. Но даже в этом случае все получилось не одновременно.

Караульные обернулись на звук упавшего товарища, который сотрясся в конвульсиях на верхней площадке лестницы. И только после этого побег добрался до них, крепко обвивая шею. Алиса с Громушей выскочили одновременно, и моя пассия даже довольно резво ушла до старта. Ровно до того момента, пока Гром-Баба не подрубила ускорялку. Правда, зря. Я уже не успел ей крикнуть, но сил все же хватило. Душить караульных не стал, а отделался переломом шейных позвонков. В лужи свалилась куча всякого барахла, свидетельствующая о самом главном – парочка готова.

Слепой со своим объектом справился без особого труда, о чем лично отрапортовал. Я приказал ему и Крылу убедиться, что пацан мертв, и заодно скинуть тело так, чтобы его не было видно с лестницы. А сам добежал до Гром-Бабы.

– Собери барахло, а этих – за «Бычки».

Псих уже перестал издеваться над невнимательным караульным по одной простой причине – Алиса добралась до него. Подросток поднялся и со стеклянными глазами медленно спустился по железной лестнице вниз. И теперь стоял возле своей повелительницы, ожидая минуты славы.

Я рассмотрел его получше. Широкий, похожий на жабий, рот, приплюснутый нос, глубоко посаженные глаза, стрижка под несколько миллиметров. Он отвечал всем требованиям мужика – чуть красивее обезьяны и умнее неандертальца.

И в этот момент закончился дождь. Не стал стихать до мелкой мороси, а попросту закончился. Словно его выключили. А что, если мне не вредит Голос, а помогает сам Несущий Свет? Такое может быть, хотя бы чисто теоретически?

– Алиса, запоминай, что надо говорить вот этим ртом, – я указал на последнего оставшегося в живых караульного.

– Не, Шип, не говорить, а делать. Под воздействием *Кровавого слуги* объекты не разговаривают.

– А раньше это нельзя было сказать?

– Да как-то случая удобного не представилось, – Алиса пожала плечами так, будто ничего страшного и не случилось.

– Ладно, слушай, что надо делать...

Тем временем к нам подтянулись Слепой, Псих и Крыл. Я, в лучших традициях руководителя, как раз поводил конечностями и отдал последние распоряжения:

– Крыл – на крышу. Слепой – со мной к двери. Громуша, встанешь снизу, Псих, ты тоже. Запомните, без единого выстрела. Понятно?

Я и старик медленно, почти ползком, забрались по лестнице на верхнюю площадку. По обе стороны от двери располагались два окна. Я выглянул всего на пару секунд, после чего сел обратно.

Так и есть, тут раньше было что-то вроде небольших кабинетов. Все ненужное из них выбросили, тонкие перегородки сломали, натащили только кровати. Теперь помещение второго этажа походило на огромный барак, ну, или казарму, кому как больше нравится. И сказать откровенно, количество кроватей меня несколько смутило. Я рассчитывал, что в группе Завуча будет человек десять, край – пятнадцать. А коек как-то в разы больше.

Предметом интереса караульного стала четверка, сидевшая на одной из заправленных кроватей. А если быть точнее – карты, в которые они резались. Рядом валялись распотрошенные пачки сигарет – понятно, что в ходу у пацанов вместо денег. Ладно, разберемся с этими, а потом подумаем, что делать с остальными.

Я махнул рукой Алисе, и наверх поднялся Губастенький. Выглядел он каким-то одеревеневшим и двигался странно, как робот. Вот зайди сейчас внутрь и крикни: «Пацаны, там Завуч вернулся, давайте живо наружу!» – и совсем другое дело. Благо, судьба сегодня повернулась к нам самыми мясистыми местами и давала себя пощупать.

Губастенький открыл дверь, с силой рванув ее так, что зазвенели стекла. Молодец, обратил на себя внимание. А после махнул рукой, подзывая остальных.

– Ты чего, Зеленый? – услышался один из голосов.

Зеленый? Интересно, чего такого ты умеешь? Вдруг коллега? Но это был вопрос из категории ненужных.

Губастенький уже развернулся и стал спускаться по лестнице. А нам оставалось ждать. Караульная смена выбралась довольно скоро, явно раздраженная тем, что ее оторвали от интересного времяпрепровождения. В адрес Зеленого летели угрозы различной степени тяжести. Хорошо, что тот сейчас ничего не слышит.

И опять нам везло. Они выбрались почти одновременно, застыв на площадке. Подросткам потребовалась пара секунд, чтобы оглядеть сначала пустые козлы возле главных ворот, потом посмотреть на спускающегося товарища. А мы со Слепым тем временем начали действовать.

Это было бойней. Быстрой и беспощадной. Подобранный у военных нож не был, конечно, моим старым добрым Солдатиком, но справился со своей миссией не хуже. Резкий колющий удар в яремную вену тому, который стоял спиной ближе ко мне. После я развернулся и выбросил руку, целясь чуть ниже живота в другого. Попал. От подобных атак болевой шок такой, что ты даже подумать ничего не можешь. По крайней мере, нам так говорили.

Слепой орудовал по старинке – иглами. Двигался он чуть медленнее меня, но в успехе его действий я не сомневался. Вот только в этот самый момент мерзкая шлюха по имени Судьба решила усмехнуться и выкинуть очередной фортель.

А все из-за неумения пацанов обращаться с огнестрельным оружием. Ну никто, никто и никогда не держит палец на спусковом крючке. Только вдоль скобы, ведь в противном случае и шмальнуть можно. Мне показалось, что время замедлилось, а сам я вижу то, что произойдет в следующую секунду. Но я уже ничего не успевал сделать.

Конечно, один из подростков умрет. В этом не осталось никаких сомнений. С парой десятков игл в груди долго не живут, если только ты не индийский йог. Но напоследок он сде-

лал гадость. Падая, нажал на спусковой крючок, и от лестницы, высекая искры, срикошетило несколько пуль.

Пары секунд хватило понять, что с нашими все в порядке. Вот только тихо снять охрану лагеря не получилось. На фоне стекающих с карнизов и крыш остатков дождя звук выстрела казался громом посреди ясного неба. И явно достиг именно тех ушей, которые не должны были его слышать.

И эффект внезапности, на который я так рассчитывал, мы благополучно просрали.

Глава 5

Я смотрел на выставленные словно по линейке ряды коек. Заправленные кровати, подушки треугольником. Будто в пионерском лагере. Может, Завуч действительно имел какое-то отношение к воспитательному процессу? Правда, интересовало меня сейчас совершенно другое.

– Алиса, спроси нашего товарища, сколько человек в их подростковой коммуне. Вместе с Завучем.

– Он же не может ответить.

– Но число написать в состоянии? Давай голову включай.

Алиса кивнула. Ничего не произнесла, просто пристально поглядела на своего подопечного. А тот не задумываясь подошел к одной из прикроватных тумбочек, вытащил тетрадку с техническим карандашом и вывел на разлинованном листе двузначное число: 45.

У меня в легких словно воздух кончился. Охренеть, самая крупная группа со времен эков. И дело не в том, что всех их хоронить негде будет. Все может обернуться как раз наоборот.

– Давайте считать, – нахмурился я. – Двоих охранников мы грохнули возле дома, потом еще четверых, и восемь человек здесь. Итого в сухом остатке тридцать один.

– Много, – почесал затылок Слепой.

– Много, – подтвердил я. – Слишком.

Даже учитывая, что подростки не ахти какие стрелки, да и с общей боевой подготовкой у них так себе, – большое число для нас. Потому что способности никуда не денешь. А три десятка сверхлюдей, которые хрен знает что припрятали в загашнике, – слишком большой риск. Да еще меня очень смущала здешняя дисциплина. Нечто среднее между армией и тюрьмой. Иногда четкое выполнение приказов может изменить ход сражения.

– Шамым разумным будет уйти отсюда, – озвучил Слепой мои мысли.

Да, это действительно самое разумное. Только мы упустим все то преимущество, которого добились. Завуч со своими малолетними уродами сядут в глухую оборону, попробуй их потом выкури. С одной стороны, плевать бы на этих козлов, пусть варятся в собственном соку, нам какое дело? В народные мстители мы не нанимались!

Вот только чтобы пройти к Жрецам, необходимы зачищенные тылы. Не хотелось бы оказаться между молотом и наковальней. Более того, судя по тому, что я ощущаю, даже в нынешнем состоянии нам не справиться со Жрецами. Нужна помощь.

Поэтому колебался я совсем недолго. Самым разумным было бы сейчас поглотить пацана, чтобы меня не порвало окончательно, а потом отступить. Присматриваться, выжидать момент, нападать точечно, постепенно ослабляя группу Завуча. И надеяться, что конец Эры не застанет меня в этой глуши. Безопасно, вот только не действенно.

Я сплюнул, протянул руку, и из нее вырвалась лиана, которая с сочным хрустом пробила череп Зеленого. Бумажница разочарованно вздохнула, напоминая, что именно думает о моем плане о непоглощении энергии, но ничего не сказала. Молодец, разумное решение.

– Крыл, ты на стреме, остальным осмотреть объект. Ищите оружие, патроны, припасы и все, что может пригодиться.

Группа быстро разошлась, а я прислонился задницей к тумбочке и вытащил бутылку. Вот все же фантомные боли что делают. Удобнее было бы сесть на кровать. Но еще с армии вбили – солдату нельзя сидеть на кровати. Неважно, заправлена она или нет. Прижать свой филей куда-нибудь – это еще куда ни шло. Но не дай бог старшина увидит складочку или отпечаток твоей задницы на заправленном одеялом койке. Все, туши свет.

Вот я сейчас – взрослый, местами умный мужик. А этот животный страх остался. Хотя, может, дело в антураже. Ведь здесь действительно как в казарме.

– Время уходит, – глубокомысленно заявила Бумажница. – Слепой прав. Если останемся здесь, то нас перемелют. Умрем не за хрен собачий.

– И артефакт достанется Завучу. Тебе же лучше, новый претендент.

– Этот хмырь до сих пор не забрал единственный артефакт, который под жопой лежит. А ты говоришь, новый претендент. Убьют тебя – все, прощай надежда на освобождение. Кстати, не думал, почему пленников держат не здесь? Места вроде бы хватает.

Меня этот вопрос тоже серьезно интересовал. Как-то нелогично, если не сказать большего. Приходится одновременно охранять два места. А ведь еще Гай Юлий Цезарь, ну, или кто-то из тех умных итальянских мужиков, говорил: чтобы властвовать, надо разделять. Тут же Завуч – сплошь неглупый товарищ, если судить по его быту, – сделал такой откровенный ляп. Или это тоже часть плана?

– Шип! – услышал я испуганный голос Психа. – Шип!

– Шип, Шип, я уже пятьдесят два года... – начал было я и осекся. – Ну ладно, я уже пару месяцев Шип. Что там произошло?

– Думаю, тебе нужно на это взглянуть.

– Очень надеюсь, что ты там нашел действующий стриптиз-клуб, – хмыкнул я.

– Ага, надейся, – донесся недовольный голос Алисы хрен знает откуда. Вот как она все слышит?

Но так или иначе я, ведомый Психом, дошел до лестницы, ведущей вниз. Такой же железной, как и снаружи. Ну, что сказать, я был прав. На первом этаже действительно оказалось большое расчищенное пространство с кучей автомобильных прибуд, яма и подъемник. Здесь машины ремонтировали. Но Псих настойчиво тянул меня в сторону, точь-в-точь как мальчишка, ведущий папу к шкафу, в котором спрятались чудовища, мешающие ему спать.

И что сказать, чудовище здесь и вправду было. Не то чтобы очень большое, всего в полтора моих росточка, со змеиной чешуей и единственным здоровенным рогом во лбу. Хилые ручонки заканчивались длинными лапами с острыми как скальпель когтями, зато ноги вполне себе человеческие. Разве что невероятно развитые, как у футболиста-крепыша. Еще бы, столько мяса на себе таскать.

Видимо, парень был опасный, потому что оказался крепко связан множеством толстенных веревок, да еще приподнят на металлическом тросе, чтобы точно не удрал. Правда, последнее сделать было бы немного сложно. Здоровяк оказался ранен. Не скажу чтобы очень серьезно, но сил из-за этого у него явно поубавилось.

– Это что еще за страсти? – подросла Громуша.

– Матерь-заштупница... – вторил ей Слепой, крестясь.

Что интересно, Единорожек – так я называл своего нового знакомого – был в сознании. Увидев святой крест, он слабо улыбнулся. Да, дружище, я тоже из атеистов. Был, по крайней мере, до недавнего времени, да Несущий Свет все карты спутал.

– Мятажник? – деловито спросила Алиса.

– Ну не Папа же Римский. Один из демонов или бесов. Уж не знаю, какая там у них классификация. Ладно, стойте здесь, поговорю с ним немного.

Я сделал несколько шагов, оказавшись на довольно опасном расстоянии. Что-то мне подсказывало, что захоти пленный демон сейчас нанести вред, то сделал бы это. И веревки бы не остановили. Вот только на меня работала моя репутация. Почти как зачетка на студента.

– Приветствую, старший сын Несущего Свет, – я изобразил нечто похожее на кивок. Не в курсе я про адовый этикет, что там надо вообще делать.

– Смертный, – ответил демон, приветствуя меня. Но тут же поправил: – Я не старший сын, а младший.

Но было заметно, что ему понравились мои слова. Это как гражданские по незнанию обращаются к лейтенанту «товарищ майор». Вроде ошиблись, а все равно приятно.

– Как ты здесь оказался?

Вообще я был готов, что демон меня сейчас пошлет. Потому что с точки зрения логики, вся ситуация – это как зайцу спросить у волка, попавшего в капкан: «Что, Серенький, отдыхаешь?» Однако мои опасения оказались тщетными. Наверное, Мятежник здесь уже давно и немного соскучился по адекватным собеседникам.

– Во время нашей последней атаки на смертных меня ранили. Братья успели отступить, а меня будто заморозили. У одного из смертных оказалась такая способность. Пришел я в себя уже здесь.

– Давно это было?

– Четыре дня, если считать по здешнему времени, – ответил Единорожек.

– Почему смертные тебя не убили?

– Они боятся, – ухмыльнулся демон. В отличие от Толстожопого, его зубы были мечтой дантиста – крепкие, белые, острые. – Не меня. Жрецов.

– У них же вроде как союз со Жрецами?

– Жрецы ни с кем не заключают союзов. Они сами по себе. С ними можно договориться, пока ты удобен Жрецам и делаешь все, что они хотят. Но как только ситуация меняется... – Единорожек не договорил, лишь хищно облизнул длинным языком острый клык. Красноречивый жест. Я, по крайней мере, сразу все понял. – Но Жрецы не очень любят сыновей Несущего Свет. Пока я здесь, они не придут за новыми жертвами. Смертные это понимают. Поэтому и не убивают.

– Вот, кстати, почему пленников держали подальше отсюда, – догадался я. – Подальше от Жрецов. Все сходится. Гром, дерни вон за тот рычаг, надо освободить нашего друга.

– Шип, ты уверен? – набычилась Громуша. И как-то сама собой перешла в боевой режим.

– Выполнять приказ! – рявкнул я, и слова эхом разлетелись в моей голове.

Блин, только не сейчас, терпеть. Никакой потери сознания. Вот уж действительно, что значит, не вовремя. Но ничего, постоял с белыми кругами перед глазами, покачался на ватных ногах – и вроде отпустило. А Единорожек тем временем плюхнулся на бетонный пол.

Я медленно, чтобы демон не занервничал, подошел к нему с ножом и неторопливо освободил от всех пут. И все-таки Мятежник оказался слаб. Он поднялся на крепкие ноги и прислонился к стене. Да, правильно, не торопись, пусть кровь, или что там у тебя, разойдется по всему телу.

– Я в долгу перед тобой, смертный, – негромко сказал он.

Внимание! Вы помогли одному из Мятежников. Все территории, подчиняющиеся Мятежникам, отныне будут автоматически восприниматься как домашняя зона. Восстановление способностей и защита в ней усилены. А взаимоотношения с Мятежниками повышены до уровня Дружелюбие. Теперь вы можете заключать союзы.

*Внимание! Вы проявили Милосердие по отношению к Мятежнику. Уровень взаимоотношений позволяет вам получить звание **Барон низшего порядка**. Теперь вы можете брать под свое командование младших сынов Несущего Свет.*

Ого, сколько сразу всего интересного! Я читал, жадно впитывая информацию. А во влажных мечтах уже ехал на броневике впереди демонического войска. Только вместе мы сможем сокрушить мелкобуржуазную интеллигенцию в лице Голоса. Ура, товарищи!

– Шип, из реальности не выпадай, – вернула меня на грешную землю Бумажница.

И правда. Первым делом, первым делом – это смертные, ну а демоны, а демоны потом. Хотя в данный момент все обстояло как раз наоборот.

– Сын Несущего Свет, – обратился я к Единорожку. – У меня есть к тебе небольшая просьба.

– Говори, Брат, – демон даже слегка поклонился.

Я чуть не заплакал от счастья. Вот ведь, сколько здесь времени провел, а наконец нашел родственника. Тут сразу появились вопросы к отцу: это с кем он там спутался, что на выходе получилась такая красота? Со смотрительницей зоопарка? Ладно, это все смехуечки, пора переходить к серьезным делам.

– Отведи меня в лагерь к остальным... братьям.

Единорожек коротко кивнул и пошатываясь направился к закрытым ангарным воротам. Снес он их быстрее, чем я успел крикнуть своим, чтобы те открыли. Разрезал острыми когтями, как банку – консервным ножом. Хорошо, что я догадался приказать Слепому и Громуше отворить другие ворота – красные. Эти должны были быть в целости и сохранности, чтобы Завуч не прочухал о западне раньше времени.

– Оставайтесь здесь, Слепой за старшего! – крикнул я напоследок. – Если появятся до нашего возвращения, то уходить к частному сектору, откуда мы пришли. Но я постараюсь быстро обернуться.

К моему удовольствию, что у человека медленно, у раненого демона – смотри не отстань. Только поначалу Единорожек неторопливо брел, будто бы совсем не разбирая дороги. Но постепенно набрал скорость, и мне действительно пришлось за ним чуть ли не бежать. Я лишь отмечал по карте, куда мы движемся – прошли нечастные пятиэтажки, пустырь с сухой травой, заброшенное футбольное поле и, наконец, оказались возле детского сада. Обычного такого, построенного еще при другом государстве – невысокий железный забор, крохотные участки с верандами, грибочки с облезлой краской, песочницы. Мы в таких по молодости пить учились, гонимые недовольным сторожем. В свое оправдание скажу, что не мусорили и не гадили. Лучше уж в детском саду, чем по подъездам не пойми с кем.

Именно на территории дошкольного образовательного учреждения я и увидел остальных демонов. И что самое интересное, стоило присмотреться, как вокруг них возникало нечто вроде свечения. Вон у того, здоровенного, оно белое, спокойное, даже приятное. У высокого и тощего – золотое, почти ослепительное. На него и смотреть больно. А Единорожек – вообще серый.

Я не сразу, но все же догадался. Это своего рода иерархия. Серые – младшие сыны, белые – средние, золотые – старшие. Как Толстожопый. И что-то мне подсказывало, есть ребята еще покруче. Интересно, я в их глазах какой? Вряд ли золотой. Белый или серый.

– Брат! – вскинулся навстречу к нам тощий, самый яркий.

Его я определил как главного. И обращался он сейчас точно не ко мне, а к Единорожку.

– Мы думали, что смертные отправили тебя на перерождение, вновь на дно низшего порядка.

– Нет, они меня пленили. Но пришел брат и спас, – Единорожек указал в мою сторону.

– Смертный, – тощий наконец удостоил меня взглядом.

Вроде худой как жердь, однако страшный до жути. Тело словно собрали из остатков сухого дерева, поеденного короедом. Глаза красные, сидят глубоко, так и сверлят тебя. Два рога закручены и упираются в затылок. Интересно, ему самому не больно? Руки свисают ниже колен, это при том, что росточком он вышел метра в три с половиной, если не больше.

– Приветствую, старший сын Несущего Свет, – повторил я недавний кивок.

На что демон все же кивнул в ответ. Ну, и на том спасибо. Контакт установлен, будем двигаться дальше.

– Вы хотите уничтожить Жрецов и забрать артефакт, – начал я без всяких прелюдий – последнее любят женщины, но никак не мужчины. – Я знаю, как это сделать.

– Мы тоже знаем, как это сделать, – спокойным и холодным голосом ответил Тощий. – Но для начала нужно уничтожить смертных, которые защищают Жрецов. Для этого у нас нет необходимых сил.

– Есть, – ответил ему я. – Моя команда. Как ты можешь видеть по моей репутации, я давно помогаю Мятежникам. Под моим началом несколько сыновей Несущего Свет уже обрели артефакты. И теперь они готовы к решающей битве. Я пришел сюда, чтобы помочь вам.

Врал, что называется, как сивый мерин. Но по-другому было никак. Судя по свечению демона, он мнил себя как минимум следующим Голосом. Ну а остальные рассчитывали стать хотя бы старшими помощниками младшего конюха при новом правителе. Лишь бы здесь задержаться. У них там, на дне низшего порядка, климат явно похуже.

И если я скажу сейчас: «Давайте пойдем и наместим Жрецам, чтобы я взял еще один артефакт», меня попросту пошлют на хер. Это в лучшем случае. В худшем устроят гоп-стоп прямо тут, и до конца Эры Бумажнице придется капать на мозги другому товарищу.

У меня же иной план. И если честно, я был совсем не против, чтобы этот долговязый действительно взял артефакт. Пусть только разберется со Жрецами. А как потом забрать его обратно, мы уже знаем.

– Зачем тебе это, смертный? – удивился Тощий. – Я смотрю, но не верю своим глазам. Почему смертный помогает сыновьям Несущего Свет?

– Скажем так, у меня с Голосом свои счеты. И, к слову, Несущего Свет я на днях тоже видел. Имел с ним весьма продолжительную и содержательную беседу. Он, так скажем, одобрил мою миссию.

Если до этого момента Тощий смотрел на меня как на юродивого, от которого хрен знает чего ожидать – то ли говном обмажет, то ли божественное откровение выдаст, – то теперь в его глазах мелькнуло еще что-то. Уважение? Может быть. Я только понял, что ковать железо надо, пока оно горячо.

– Я заставил смертных покинуть свой лагерь, сейчас там мои люди. Но скоро смертные вернутся. Самое лучшее, что мы можем сделать, – застать их врасплох. А уже потом разберемся со Жрецами. Ну так что, старший Сын Несущего Свет, достойный стать следующим Голосом, поможем ли мы друг другу или так и будем безуспешно ожидать окончания Эры?

Вот откуда что берется? Я в жизни не был оратором. Да и занятия по политподготовке все время ненавидел. Всегда считал, что кулак объясняет доступнее рта. А вот все же, когда приперло к стене, и дар красноречия откуда-то появился. Чудеса, да и только. Впору действительно поверить в божественное вмешательство Несущего Свет.

Тощий медленно протянул мне крепкую длинную руку. Моя крохотная человеческая ладошка утонула в его демонской.

– Пойдемте, братья. Нам надо торопиться.

Как там говорил герой Аль Пачино? «Тщеславие – мой самый любимый из грехов»? Определенно, да.

Глава 6

Радовался я недолго. Оказалось, что призвать на помощь Мятажников – это полдела. Демоны пришли к выводу, что воевать будут так, как решили сами. То есть без всякой тактики.

– Мы должны действовать хитрее, – в который раз убеждал я Тощего, пытаюсь не сорваться и не начать его материть.

Сейчас мы были наедине. Я специально дождался момента, когда нас не будет никто слышать. Иначе Тощий мог просто стоять на своем из принципа, чтобы не прогнуться на виду у остальных, более низших по иерархии демонов. Тут же был шанс на конструктивный диалог. По крайней мере, я очень на это надеялся.

– Мы просто уничтожим смертных, когда увидим, – рубанул кулаком по ладони демон. – С твоими смертными мы стали сильнее.

Я закатил глаза. Ладно, Бумажница, твой выход. И она не заставила себя долго ждать:

– Какой-то херовый план.

Я согласился. Жалко, что валькирию больше никто не услышал. Придется самому.

– У нас единственный вариант победить – это эффект внезапности, – продолжал я с упорством, достойным лучшего применения. – Подпустить смертных и уже потом перемолоть их. Но они до последнего ничего не должны подозревать.

– Мы одолеем их и без всяких уловок, – отмахнулся Тощий. – Мы сильнее.

– Одолеем. Но ценой чего?

Какая ирония. Зеленый человек задает подобный вопрос громадному и могущественному существу. Разве что Танос у нас вышел похлипче, да и я девочкой не был.

– Я не готов потерять даже половину сынов Несущего Свет, – возразил я.

– Они знали, на что шли. Ты же не хочешь сказать, что тебе жалко нас?

Вот как объяснить этому недотепе, что мне срать на демонов? Пусть хоть сами друг другу глотки перегрызут. Но не сейчас. Что называется, бахнем, обязательно бахнем. И не раз. Весь мир в труху. Но потом.

– Постарайся смотреть на два хода вперед. Ведь ты мудр. Важно не просто победить смертных, а сохранить силы для сражения со Жрецами. Понимаешь?

Я специально умасливал Тощего, как только мог. Взывал к его разумности, хотя ее в этой небольшой черепушке и в помине не было. Тупица с возрастом не становится мудрым степенным старцем. Старым тупицей, который еще и кричит: «Поживи с мое, сопляк», – это сколько угодно. В данном случае, к сожалению, количество не переходит в качество.

Старшие сыны Несущего Свет не отличались особым умом и сообразительностью. Хрен знает, как они пролезли с самых низов. Может, попросту понравились Самому. Или повезло.

– Нам действительно нужно одолеть Жрецов и взять артефакт, – наконец согласился Тощий. – Только так я смогу стать Голосом.

Ага, говна тебе на лопате. Мозгов ноль, зато амбиций хоть отбавляй. Как пел один старый рокер: «Все как у людей».

Но хотя бы теперь дело сдвинулось с мертвой точки. Я, постоянно сыпя кривыми комплиментами и пытаюсь показать, что единственный важный хрен с горы тут – это Тощий, постарался донести свой план. И в конечном счете Мятажник согласился. Только времени было потрачено слишком много. Тяжело с этими демонами.

Мы едва успели укрыться, прежде чем Крыл негромко отрапортовал: «Идут». Сейчас он и Псих были нашими глазами, потому что накинули одежду тех самых дозорных у ворот и стояли на козлах. Мы находились тут же, только сидели, чтобы нас не увидел никто с дороги. Основная часть демонов замерла во внутреннем дворе, и бездействие давалось им невероятно

тяжело. Больше всего я переживал, как бы эти нетерпеливые парни не сорвали основную операцию.

Перед воротами, метрах в тридцати от них, лежали убитые. Им пришлось отдать часть припасенной для себя одежды. Я решил просто: если тактика опробована и работает, то чего ее менять?

– Двигаются врассыпную, перебежками, – негромко продолжал Крыл. – Во главе, похоже, тот самый Завуч. Он отдает распоряжения.

Я даже про себя похвалил противника. Молодцы. Колонну нам расстрелять – как два пальца. Завуч данный факт понимает. Это что значит? Как минимум, лидер отморозков служил. Ну, или книжки правильные читал.

Надо сказать, что он мне какими-то чертами даже нравился. Такой опытный, грамотный мужик, если бы не вся эта гниль, которую он не только выплеснул наружу, но еще и развил в детях. С другой стороны, был ли у него выбор? Это не волки, но уже и не слабые глупые щенки. Зазеваешься – порвут. Я тряхнул головой. Это еще что такое? Я пытаюсь его оправдать?

– Идут в определенном ритме. Не растягиваются.

– Опиши мне Завуча, – попросил я.

– Ну, с такого расстояния сложно. Лысый он. Прямо совсем. Что-то выговаривает тем, кто рядом. И такое ощущение, что они его боятся. На трупы показывает. Погоди, теперь на нас смотрит. Все, снова вперед пошли.

Ну да, с такого расстояния вряд ли можно определить, кто именно стоит в карауле. А по «крепкому телосложению» Крыл с Психом как раз больше всего походили на подростков из группы Завуча.

Меня только удивило, что мой пацан заметил страх со стороны подопечных в головном отряде, отвечающем за разведку. Там, как правило, либо отъявленные залетчики, которых надо как-то учить жизни, либо опытные спецы. Последних у Завуча не было. А уж если даже хулиганы боятся своего командира, то могу представить, в каких ежовых рукавицах тот их держит.

– Метров сто, – говорил Крыл. – Замерли, разглядывают.

Ну, допустим, точные черты лица с такого расстояния не рассмотреть. Надо подойти хотя бы до метров на шестьдесят-семьдесят. Однако это было сродни команде «Приготовиться». Скоро начнем.

– Основная группа на каком расстоянии от разведчиков? – спросил я.

– Метров тридцать-сорок, – ответил Крыл.

Я сжал цевье АК-74, пытаюсь унять внутреннюю дрожь. Конечно, это был не страх. Скорее, небольшое волнение перед неизбежным боем. От него невозможно избавиться. Признаться, мне даже немного нравилось подобное ощущение.

Жалко, что все наше оружие, включая прицелы, осталось у военных. Вот именно сейчас все это барахло бы очень пригодилось. А так я мог надеяться лишь на Алису и Слепого. Остальные, скорее всего, просто пошумят, отвлекая внимание. Хотя и это неплохо.

С другой стороны, здорово, что Завуч пошел впереди. Я бы сказал, что это попросту идеально. Отрубим змее голову – и уже станет намного легче. Это только в сказках на ее месте вырастает две. Здесь все будет гораздо прозаичнее.

– Идут, идут, замерли, – говорил Крыл. – Переговариваются. Что-то странное. Дядя Шип!

Договаривать он не стал, укрывшись за стеной. А действие пацана прокомментировали короткие автоматные очереди. Несколько пуль даже звякнули о железные ворота. Рассмотрели. Поняли, что лагерь занят врагом. Значит, пора.

– Огонь! – поднялся я.

И тут заметил, что, в отличие от Крыла, Псих и не думал скрываться. Напротив, он остался стоять на козлах, расчехлив свое главное оружие – рот. Судя по звуку, точнее его отсутствию, бил Псих инфразвуком. Я даже подумал, что с такого расстояния вряд ли что выйдет,

однако разбегающийся разведотряд немного повело. Кто-то припал на колени, кто-то бежал, согнувшись в три погибели, то и дело рукой касаясь земли. Но я выперил взглядом блестящую лысину жилистого мужичка, который уже значительно отделился от остальных. Он рассудил вполне разумно: нахер этих олухов, других наберу. Но я оказался решительно с ним не согласен. Командир в ответе за своих бойцов.

Это было легко. Практически как на охоте, только вместо ружья – калаш. Поймал цель, немного проводил, наблюдая в прицел, и выстрелил. Лысый мужик всплеснул руками и завалялся как подкошенный. Простота, с которой я его убил, даже удивила. И все?

Рядом рухнул один из приспешников Завуча. Попал кто-то из моих. А потом... Все вокруг наполнилось звуками скрежещущих кинжалов, мерзкого треска кожи, из которой обычно делают плащи, утробного рева огромных труб, призывающих великое воинство показывать, чего оно стоит.

На самом деле это просто демоны под предводительством Тощего перешли в наступление. Кавалерией выступили девять Мятежников с крыльями, которые могли поднять их в воздух. Нет, непонятные отростки в районе лопаток были практически у всех демонов, но у большинства выступали в роли атавизма. Интересно, конечно, почему у одних крылья вполне рабочие, а у других для красоты. Однако подобные вопросы я решил оставить на потом.

Сам Тощий во главе таких же пешеходов, как и он сам, вырвался через основные ворота. Их мы предусмотрительно просто прикрыли, а не запирали. Теперь они легко распахнулись, даже ударившись о стены, и выпустили основную часть атакующей группы.

Конечно, наступление демонов оказалось сборной солянкой. Во-первых, пешеходы значительно растянулись, потому что сам же Тощий двигался не в пример быстрее остальных. Тем временем с неба крылатые уже стали терзать подростков. Тогда же из тылов, ломая на своем пути постройки частного сектора, выдвинулись дредноуты – самые толстые и неповоротливые из демонов, которых мы оставили в засаде.

Только тогда я и отпустил рвавшегося в бой Крыла, присоединившегося к союзной авиации. Перемахнула через стену Гром-Баба, тут же придав ускорение собственному внушительному телу. На этом наши полномочия в борьбе со снижением подростковой преступности были закончены. Слепой фигачил иглами от ворот, пытаясь попасть хоть в кого-то. Псих стрелял, потому что понимал: теперь от его крика пользы большой не будет. Тем же, собственно, занимался и я.

К чести подростков, они не дрогнули и не обратились в бегство. Напротив, подались вперед. Я видел, как один из дредноутов неожиданно замер, словно его... заморозили. А всему виной посиневший пацан, с риском для собственной жизни коснувшийся демона. На смену ему пришло непонятное гуманоидоподобное существо с длинными то ли плетями, то ли кнутами вместо рук. Правда, он лишь выглядел странно, а действовал вполне осмысленно. Короткого взмаха хватило, чтобы наш дредноут перестал существовать не только как личность, но и как боевая единица. Плетни разрезали его так же легко, как солдатский штык-нож – присланное из дома сало. Был Мятежник – и нет Мятежника. Обидно. А что самое главное, интересно, как они запросто и без всяких нервотрепок разобрались с демоном. Как в магазин за хлебом сходили, словно прежде только этим и занимались.

Один из обороняющихся неожиданно и вовсе разлетелся на части. Я было порадовался, что по нему бахнуло какое-то дьявольское оружие, однако хрен там плавал. Несколько частей, бывших не так давно телом несчастного, превратились во что-то мерзкое и прилипли к одному из пролетающих демонов. И вдруг из этой неприятной субстанции вновь образовался тот самый пацан, только уже выхвативший из инвентаря обрезанное ружье и разрядивший оба патрона в голову летуну.

К моему несказанному удовольствию, недоросль не подумал о путях отхода, либо его превращение в липкую субстанцию требовало определенного времени. Так или иначе, он плюх-

нулся вместе с поверженным демоном на дорогу, чуть подскочив на месте, где и затих окончательно, не предпринимая попыток подняться и продолжить воевать.

И вот это меня поразило больше всего. Непонятно, что именно было вбито в мозги пацанов. Но они продолжали сражаться, хотя их предводитель и оказался ликвидирован в самом начале боя. По моему опыту, личный состав, окруженный врагом, либо сдавался, либо отступал. А эти, эти...

Нет, малолетние мужички – а именно такими они и являлись, озлобленными, остервенелыми мужичками, – не собирались давать слабину. Словно некто незримый наблюдал за ними. И надо сказать, давали отпор вполне достойно. За короткий промежуток, пока шло сражение, я насчитал уже четверых убитых демонов – трех летунов и одного дредноута. Вот только теперь основная часть Мятажников подросла на помощь собратьям.

Что интересно, у демонов тоже были свои фишки. Нет, я помню встречу с Чебурашкой, но его способность воздействовать на слабый пол воспринял как некий прикол. Понятно, что в процессе схватки с ним было не сказать чтобы очень весело. Однако для меня демоны представляли просто здоровенными сильными тварями с крепкой шкурой. В действительности все оказалось значительно интереснее.

К примеру, первым добежавший до противника Тощий схватил поперек зазевавшегося паренька, откусил ему голову и отбросил прочь от себя. Казалось бы, чего больше? Вот только труп несчастного не мягко плюхнулся на дорогу, а при соприкосновении с землей разлетелся на части, как фугасный снаряд, зацепив стоящих рядом. Крутая фишка. Интересно, для нее обязательно каждый раз голову откусывать, или можно просто руку оторвать? Типа чеку выдернуть.

То ли медленно бегущий, то ли быстро шагающий за ним толстяк, похожий на бочку, у которой вот-вот разлетятся сдерживающие ее железные обручи, поступил еще интереснее. На короткий миг он растворился в воздухе – я заметил лишь темную дымку, – а материализовался уже в стороне, возле стреляющего по нему противника. И что самое крутое – пока он находился в этом непонятном состоянии, то ускорился в несколько раз. Правда, на выходе вновь остался неповоротливым толстым демоном, но уже с окровавленными когтями, а паренёк рядом свалился на землю, словно из него стержень вынули. Хотя вынули всего-то все внутренности.

Один из летунов, внушительных размеров Мятажник с белой аурой, поставленный командовать нашими воздушными силами, представлял для врагов наиболее опасную угрозу. Его перепончатые крылья были увенчаны множеством костяных наростов. И делая очередной заход над противником, он одним движением сбросил их. Итог разлетающейся костяной шрапнели – пять убитых и трое раненых. Красота!..

И все же меня смущала твердолобость подростков. Почему они упираются? Во имя чего не пытаются спасти собственную жизнь? Ведь им есть куда отступить.

Я вытащил бинокль, чтобы получше разглядеть творящуюся в сотне метров от меня катавасию. И в горле встал ком. Потому что я увидел лысого мужика средних лет с лицом, искаженным от гнева. Он расстреливал в упор оказавшегося к нему спиной демона. Да, с серенькой аурой, явно слабенького сукина сына. Но моего сукина сына!

И твою мать, он же мертв! В смысле, должен быть мертв, по всем законам жанра. Я точно попал. Я перевел бинокль на то самое место, где это случилось. Да нет, все в порядке, вон кровь на земле. Да и футболка Завуча пропитана юшкой. Значит, он не в бронежилете. Тогда, прошу прощения за мой французский, какого хера?

Только потом в голове щелкнуло. Пацаны не отступали, потому что знали: их командир не мертв. Просто временно приостановил собственную жизнедеятельность, дабы вскоре опять вернуться к ним. Блин, и что самое мерзкое, не скажу, чтобы у нас был какой-то решительный перевес.

Да, добежала до подростков Гром-Баба, расшвыривая недомерков в стороны. Только хватило ее боевой мощи совсем ненадолго. Нечто черное, отдаленно похожее на человека, обхватило ее левую руку и не отпускало. Громуша пыталась бить обидчика, раскручивать, но ее оппонент явно был в настроении добиться сегодня либо сердца, либо руки внушительной дамы. Пока речь шла все же о руке.

Крыл и вовсе пару раз спикировал, чуть не получил по наглой мушиной морде (с ПВО у противника было все в порядке) и решил отстреливаться сверху, изредка меняя диспозицию. Умный мальчик.

Вечно все приходится делать самому. Потому что демоны явно не догадываются, что идет не так.

– За мной! – скомандовал я, прыгая вниз.

И побежал. Дьявол, как же не люблю бегать! Мне и в молодости это особого удовольствия не приносило, а с каждым днем давалось все тяжелее. Нет, я заставлял себя изредка выбираться на утренние пробежки. Но именно что заставлял, чтобы в очередной раз чувствовать превосходство разума и силы воли над телом и держать себя хоть в какой-то относительно хорошей форме. Но бегать ненавидел.

Вместе с тем сейчас я довольно быстро оторвался от остальных, даже от молодой и пышущей жизнью Алисы. Какой там мировой рекорд на стометровке? Секунд девять с копейками? Мне казалось, что сейчас я пробежал за восемь. И это босиком, в зеленом виде. А как еще, когда дело идет о моих демонах, которых в ближайшее время перекрошат. И хер тебе тогда, Шипастый, а не жрецы и новый артефакт.

Я врезался в самую гущу битвы. Но не устремился на помощь к Громуше, и даже не спас раненого демона в двадцати шагах от меня, а бросился дальше, к Тощему, который методично и неторопливо расправлялся с молодняком.

– Брат! – кричал я еще на подходе. – Брат!

Тощий недоуменно обернулся на меня. Ну да, мы вроде сошлись на том, что я нахожусь на безопасном отдалении и курю бамбук. Кто же мог подумать, что все так обернется.

– Защищайте меня! Я знаю, как остановить сражение!

Слава Несущему Свет, Тощий не стал спорить и выяснять, кто тут главный. Понятное дело, что я. Он издал какой-то странный звук, похожий то ли на свист, то ли на выкрик, и ближайшие демоны двинулись ко мне. Сам Тощий вытянулся во весь рост, махая конечностями и отвлекая внимание. Я же так быстро, как только мог, стал вращаться корнями в разбитую дорогу, превращаясь в дерево.

Кое-где, конечно, попадался асфальт. Но это ничего. Всяко лучше, чем бетонные плиты. Оглушительный грохот взрывов, криков, стрельбы сменился постоянной вибрацией. Мне в первый раз приходилось работать в таких условиях, и сначала я растерялся. Слишком много было всего. Куча существ куда-то бежала, падала, умирала.

Но постепенно я привык, приспособился даже к усиливающейся вибрации возле меня. Это подростки во главе с Завучем поняли, что у нас есть какой-то план, и мы собираемся его придерживаться. А вот, кстати, и сам он. Молодец, окружил себя так же кольцом смертных, готовых за него отдать жизнь. Тьфу, что за «смертных»? Говорю как какой-нибудь демон.

Главное, что я выследил Завуча, и множество отростков проворно поползло к своей цели. Они вырвались, кроша окаменевшую землю и взрывая асфальт, опутывая ничего не понимающего командира малолетних ублюдков. Слишком быстро опутывая. Чтобы стиснуть, как анаконда – свою жертву.

Вот только я не хотел душить Завуча. Мои острые и сильные побеги разрывали мышцы, сухожилия и костную ткань, отделяя конечности от туловища. Хрустнули позвонки, и голова футбольным мячом плюхнулась на землю. Вспомнился старый анекдот про психа, шедшего по больнице с топором. Ага, вот Витька удивится: проснется – а его голова в тумбочке.

Только на этот раз Завуч не проснется. Можно иметь какую-нибудь способность повышенной регенерации или возврата к жизни, но сложно встать, когда у тебя нет ног, и командовать, когда отсутствует голова.

Подростки были подонками, но не глупцами. Большинство поняло расклад почти сразу. И они бросились врассыпную. Тех, кто зазевался, уже добивали демоны и мои подоспевшие ребята. Я же неторопливо вернулся в обычное состояние и с грустью оглядел поле боя. Слишком много потерь, слишком. И как, спрашивается, теперь разбираться со Жрецами?

Глава 7

– Держи, Шип, – Слепой протянул мне мою часть кристаллов.

Шипастый. Лидер группы

8 уровень.

744/3000 опыта.

Тощий рассудил справедливо (как он считал): раз мы смертные, то и кристаллы должны получить с убитых смертных. А они уже соберут урожай с братьев. Не то чтобы я так уж убивался из-за недополученного опыта. Меня больше интересовал вопрос, как жить дальше.

Из шестнадцати демонов убито семь, включая обоих дредноутов и трех крылатых. И как, спрашивается, нам теперь штурмовать Жрецов с такими силами? Страшно подумать, что было бы, если бы мы послушались совета Тощего и ударили в лоб.

– Чего делать будем, Шип? – спросила Громуша.

Вопрос, что называется, на миллион. Я как раз перелез через запасные ворота и рассматривал владения Жрецов. И чем больше смотрел, тем больше возникало вопросов.

Хотя бы потому, что огромная территория заброшенного завода, уходящая вдаль, оказалась словно разбомблена. Нет, к обрушенным крышам и поваленным стенам в этом Городе я давно привык. Вот только в упор не видел среди руин Жрецов. Чувствовал, но не видел. И это невероятно смущало.

Недавний план был прост и изящен, как и сам я. С помощью моего паучьего чутья мы раздергаем Жрецов по краям, аки опытные партизаны. Напал – убил пару существ – отступил. Перегруппировался и совершил то же самое с противоположного фланга. И так до победного финала. Тем более Жрецы ходили кучками, словно сформированные аккуратно под нашу задумку.

Но вот теперь я смотрел на будущее поле боя и не понимал, где они. На помощь пришел Тощий.

– Внизу, – сказал он, глядя на развалины завода. – Укрылись там, когда Братья, – демон указал на остатки нашей авиации, – стали убивать их сверху.

– Замечательно, – я не смог скрыть саркастических ноток. – Значит, нам нужно сейчас лезть под землю, где и развернуться-то не получится в случае большой схватки. И это учитывая, что нас меньше.

– Ты недооцениваешь сыновей Несущего Свет. В нас его кровь.

Я чуть не ляпнул, что явно сильно разбодяженная. Зато неожиданно родился вопрос, который интересовал меня давно, но все не мог сформироваться в нечто осмысленное.

– А Жрецы? Они тоже как-то относятся к Несущему Свет?

– Относятся, – с некоторым неудовольствием сказал Тощий. – Они – существа иного порядка.

– Погоди, погоди, – запоздало понял я. – Получается, если вы демоны, то они...

Я осекся. Мои стереотипы об ангелах рисовали белых и пушистых полулюдей-полуголубей. В хорошем смысле этого слова. Нимбы, там, замечательно выставленное освещение, подчеркивающее нужные места, и все такое. Но эти фанатики, с которыми пришлось не так давно столкнуться, жестко рвали все шаблоны. Вспомнилась фраза Молота, что Жрецы не подчиняются Голосу, лишь делают то, что должны. И теперь хотя бы стало понятно, почему.

– Ты смертный, – с явным презрением ответил Тощий. – И смотришь на некоторые вещи слишком узко и ограниченно. Мы все делаем общее дело, каждый по-своему.

– Что не мешает вам ненавидеть друг друга.

– Не мешает, – согласился Тощий. И сразу поменял больную для себя тему: – Ты неплохо справился со смертными. Что придумал теперь?

Ну, если потеря почти половины личного состава для демона «неплохо», то я даже боюсь представить, что у них считается провалом. Типа, не жалеи никого, геенна огненная еще нарождает? Впрочем, вполне может быть.

Правда, в данной ситуации признание собственных заслуг в лице Тощего мне было только на руку. Главное правило армии – любую херню делай с уверенным видом. Начнешь сомневаться – сожрут. Кто же знал, что это будет работать и на том свете.

– Спустимся вниз и станем убивать Жрецов небольшими группами, пока не уничтожим всех...

– Хороший план, мне нравится, – перебил меня Тощий.

Впору было разбить лицо о ладонь. И это я еще смотрю на некоторые вещи слишком узко и ограниченно? А ведь даже договорить не успел.

– С помощью благословения Несущего Свет я могу чувствовать Жрецов. Поэтому мы будем избегать их большого скопления. Только необходимо быстро перемещаться и слушаться меня. Беспрекословно.

Я лишь потом подумал, что в случае с Люцифером благословение звучит не вполне уместно. Однако Тощий зацепился за другое слово:

– Беспрекословно, – скривился он, точно участвовал в бешеной оргии со слишком широко открытым ртом.

– Ты же хочешь стать Голосом? Мудрые правители иногда делают шаг назад, чтобы потом сделать два шага вперед.

А еще добывают мне артефакт и умирают. Потому что больше не нужны.

– Хорошо, будь по-твоему, смертный.

– И еще кое-что, брат. Мне нужен телохранитель. Пусть это будет не самый сильный из сынов Несущего Свет. К примеру, тот брат, которого я освободил.

К моему удовольствию, Единорожек смог выжить в заварушке. Правда, не столько из-за удивительной доблести и отваги. Он попросту оказался самым медленным из всех и лишь краем зацепил общее сражение, где себя почти никак не проявил. Что для меня оказалось просто идеально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.